

ИОН КОЛФЕР

ПОСЛЕДНИЙ ДРАКОН

18+

Шедевры магического реализма

Йон Колфер

Последний дракон

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-44

Колфер Й.

Последний дракон / Й. Колфер — «Издательство АСТ»,
2020 — (Шедевры магического реализма)

ISBN 978-5-17-114662-7

Было время, когда, паря в небесах, он поливал огнем разъяренные толпы, теперь же он прячется от туристических речных теплоходов и крайне неохотно покидает свое кресло. Это некогда великолепное огнедышащее создание ныне обитает в рыбацкой хижине, где прикуривает «Мальборо» от сыплющихся из носа искр и пьет «Абсолют». Более того, он давно и плотно подсел на «Нетфликс»... На протяжении веков Виверн, лорд Хайфайр, вселял страх в сердца людей. Теперь его зовут просто Верн. Он выжил, но даже моря алкоголя не могут заглушить тоску в его душе – последний в своем роду, последний дракон. Дни славы Верна давно прошли. Или нет? Содержит нецензурную брань!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-44

ISBN 978-5-17-114662-7

© Колфер Й., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Йон Колфер

Последний дракон

Эмили и Джо, подарившим дракону крылья

Глава 1

Верн совершенно не доверял людям – вот и всё. Ни одному представителю рода человеческого. За долгую жизнь он знал многих, некоторых даже находил приятными, однако в конце концов все они сдавали его разъяренной толпе. Потому он, от греха подальше, и жил как сыч на болотах Хани-Айленда.

Болота Верна устраивали, насколько его вообще что-либо устраивало за долгие годы одиночества. Черт побери, сколько этих лет прошло. Они убегали вдаль, словно кирпичи дороги, которую проложил король Дарий когда-то там, до нашей эры. Забавно, как на пустом месте вспоминаются всякие штуки. Как, например, эта древняя персидская дорога. Не мог вспомнить прошлую неделю, а тут вдруг перенесся на пару тысяч лет назад, ну, или около того. Да половину тех кирпичей Верн вообще обжигал лично – когда еще временами брался за черную работенку. Чуть свой двигатель внутреннего сгорания не износил. Сбросил кожу на два сезона раньше из-за этой паршивой работенки. А еще из-за рациона. В те времена о питательности никто и понятия не имел. Теперь уж Верн по большей части соблюдал кето-диету: много жиров, мало углеводов, исключение – его любимые хлопья на завтрак. Учитывая температуру тела дракона, этот рацион подходил ему как нельзя лучше. К несчастью, в нее совсем не входило пиво, и Верну приходилось довольствоваться водкой. Из марок он предпочитал «Абсолют»: многовато спирта, зато легче для организма. И Ваксмен доставлял ее целыми ящиками.

Так что Верн считал болота терпимыми. Место, не то чтобы славное, но и на дворе не то чтобы дни славы. Когда-то он был Виверном, лордом Хайфаэр из Гнезда Хайфаэр – вот и представь, каково жить с эдаким вычурным, мать его, имечком. А теперь он стал королем хрена лысого из Грязьвилля, штат Луизиана. Но уж ладно, ему доводилось обитать и где похуже. А тут водичка прохладная, да и аллигаторы послушные – ну, по большей части.

«Если я говорю вам, мудилам, плясать, то чтоб мигом, мать вашу, все носы по линии выровняли и синхронное плавание изобразили», – частенько говаривал Верн, правда, не так многословно. И ведь поистине удивительно, на что способны самые обыкновенные аллигаторы, если пнуть их в нужном направлении.

Так что Верн коротал деньки у заболоченной протоки, без труда вписываясь в местный колорит и держась подальше от экскурсий, хотя ему, бывало, отчаянно хотелось оттянуться и поджарить пароходик, полный этих радостных кретинов. Однако, поприжми он туристов, потом поприжмут самого Верна, а он явно не дожил бы до своих лет, если б привлекал к себе внимание. Совать собственную голову прямоиком под софиты – поведение сущего идиота, по мнению Верна. А его мнение – по его же мнению – единственно верное. В конце концов, насколько ему было известно, он – последний представитель своего вида. И, если сие действительно так, долг перед этим самым видом требовал от него прожить как можно дольше. Вдобавок в данный момент он не страдал суицидальными мыслями. Они его, конечно, посещали часто, однако против них помогали ментальные практики. Но пока отмокаешь в крошечных болотных затонах, времени для медитаций предостаточно.

И все-таки быть последним драконом – дело довольно одинокое. Примерно пятьдесят процентов тоски он мог залить алкоголем, однако постоянно случались такие ночи, когда свет полной луны серебрил гладь реки, и Верн задумывался, не подкатить ли к самке аллигатора. Бог свидетель, да они сами рвались попытать счастья с королем. Пару раз его даже хватило на то, чтобы маленько побарахтаться с ними в иле – и это вовсе не эвфемизм. Но все-таки он чувствовал, что поступает неправильно. Может, в их ДНК и присутствовало некоторое сходство, однако сколько водки ни глотай, Верн никак не мог допить до мысли, что можно вот так взять и воспользоваться более тупым биологическим видом. Не говоря уже о том, что у аллигаторов нет личности, и вообще они страшные, как жопа койота.

Они холоднокровные. А у него раскаленное нутро.
Все равно ничего не выйдет.

Верн коротал ночи в рыбацкой лачуге на Боар-Айленд, заброшенной где-то с середины прошлого века. Хоть лачуга эта торчала у маленького заболоченного рукава, где ее медленно сжимал кулак мангрового леса, но пока – сойдет, и к тому же Верн неплохо ее обустроил, спасибо генератору и прочим нужным мелочам. Даже раздобыл телик с кучей кабельных каналов и небольшой холодильник, чтобы держать запас «Абсолюта» в прохладе. Поставками из внешнего мира ведал Ваксмен, обитавший выше по байу, так что Верн вполне находил чем заняться в ночные часы.

Самым главным было выживание, а в выживании главное – информация или же полное отсутствие оной. Полный ноль. Никаких кредиток или мобильного телефона. Никаких поездок в Пети-Бато, никакого присутствия онлайн. Верн как-то завел себе страничку в соцсетях. Наклепал фейковую личность по имени Драко Смауг – что сам считал довольно милым, – но потом Фейсбук начал добавлять геолокацию, и какие-то помешанные фанаты «Властелина колец» принялись задавать наводящие вопросы, так что Верн все свернул.

И усвоил урок.

С тех пор он довольствовался реалити-шоу и блужданием по интернету. Там хранились все необходимые Верну сведения, надо было лишь их разыскать.

Но никто не мог разыскать его.

Никогда.

Потому что всякий раз, как люди его находили, перефразируя Максима Децима Меридия, ад разверзался в буквальном смысле этого выражения.

Но Верн-то носил ад в себе, так что вполне выживал.

А вот человек, который его находил – нет.

Когда-то у Пшика был папка.

И в те времена папка говорил всякое, в духе:

«И не смей таскать у меня из кармана доллары, Пшик, не то я шкуру с тебя спущу».

Или:

«Пиво не видал, малой? Ты б там мой «Бад» не прихлебывал, Пшик, а то ж я шкуру с тебя спущу».

Или:

«А чего это ты не в свое дело лезешь, Пшик? Слыхал присказку про кошку, а? Так вот с той кошки шкуру спустили и все такое».

Пшик довольно быстро сообразил, что отцовские высказывания обычно заканчивались спусканием с кого-нибудь шкуры – и чаще всего эта шкура принадлежала именно Пшику. Он считал, что по большей части и правда виноват сам, ведь ему действительно было сложно не совать нос в чужие дела.

«Мы живем в свободной стране, – рассуждал он в свою защиту, – а значит чужое дело – мое дело».

Но потом, в тринадцатый день рождения Пшика, папка ушел (видимо, купить своему пацану фигурку Оптимуса Прайма – серьезное же дело), и все его фразочки перестали быть важными. И, если уж на то пошло, папка даже не был настоящим, как бы Пшик ни пытался себя обмануть. Ваксмен, который жил в плавучем доме на реке, говорил, что для настоящего папки Пшика этот мир оказался чуточку слишком, а этот мужик – просто-напросто дармоед, который нарисовался, когда Пшик был еще совсем спиногрызом, а у его святой матушки все шло кувырком. И этот папаша, взятый на замену – не кто иной, как законченный кретин, что постоянно трепал языком, по словам Ваксмена, и сыпал тюремной тарабарщиной, если судить

по наколкам, выглядывавшим из-за ворота рубашки, подхваченной в Анголе или в каталажке еще какого штата.

«Вам с Элоди куда лучше без этого никчемного придурка, – говорил Ваксмен Пшику, когда парнишка доставлял ему продукты. – Все, что он способен читать – это этикетки сигаретных пачек. Пользуется добрым сердцем твоей матушки, вот и все».

Зачастую Ваксмен сыпал никчемной болотной мудростью, но на этот раз угодил не в бровь, а в глаз. Особенно с частью про Элоди.

Сердце у матушки Пшика было и правда доброе – нянчиться часами с народом за два бакса сверх минимальной ставки, а потом возвращаться домой к нему – придурку и хулигану. С термином «хулиган» он познакомился слишком уж близко – его достаточно часто зачитывали из табеля успеваемости или протокола. Иногда Пшик думал, что пора ему уже завязывать с играми в плохого мальчика ради матушки, ведь он так сильно ее любил, что все уроды, которые разбивали ей сердце, приводили его в ярость. Настоящий папаша, который выпилился из жизни и бросил всех тех, кто на него рассчитывал. Потом ненастоящий папка, который высосал сердце Элоди досуха, как вампир, отдавший предпочтение не любви, а крови. Потому Пшик и пытался себя приструнить; правда, ничего не получалось.

Пшик допускал, что скучает по папке, даже и по ненастоящему – но лишь пока эта мысль не покидала пределы его головы.

Даже если этот папка хлестал пиво так, словно оно поддерживало в нем жизнь, а не наоборот. Даже если он вытряхивал из матушкиной кофейной банки всю мелочь и тратил на лотерейные билеты.

Даже если он колотил Пшика всякий раз, как надирался.

Пшик пришел к выводу, что любил папку – по крайней мере, самую малость. Человек не может не любить родича. Но это, впрочем, не значит, что он не может его и ненавидеть. И когда лже-папка бросил матушку Пшика, Элоди, с пустой кофейной банкой и столькими карточными долгами, что ими можно выложить дорожку до самого Нового Орлеана, Пшик возненавидел своего лже-папку со всей силой лазерного излучения – а для мальчишки, у которого еще даже пушок на подбородке не пробился, это довольно мощно.

И сейчас, два года спустя, Пшик не то чтобы сильно продвинулся в области пушка, но вырос на полфута и старательно вырабатывал задиристый нрав, благодаря которому за ним уже в пятнадцать пристально следили копы. Был у них констебль по имени Ридженс Хук, которого Элоди однажды отшила в гриль-баре «Жемчужина» при толпе народа. С того самого вечера Хук заимел на Пшика зуб и все без исключения жалобы на парнишку принимал слишком уж близко к сердцу. Пшику казалось, что стоит ему пукнуть, как старик Ридженс тут же постучится в дверь, предлагая «обо всем этом забыть» в обмен на каплю внимания от матушки Пшика.

«Чертов Хук, – думал Пшик. – Не отвалит, пока кого-нибудь не поимеют».

По сути, именно Ридженс Хук пожаловал криминальный псевдоним «Пшик» Пшику, которого при рождении нарекли Эверетт Моро. Как заметил Хук еще в первый привод Пшика в отделение: «Моро – как у того доктора с островом уродцев, а, пацан? Ну так ты не док, а уродец».

Эпизод с кличкой случился еще во времена, когда Пшиков лже-папка квартировал в лачуге семьи Моро. Юный Эверетт как-то ночью выбрался на озеро, задумав повзрывать сомов динамитной пашкой, купленной у школьника, у папки которого был сейф. В ходе эксперимента ни одного сома не пострадало, ведь Эверетт сумел снести только мизинец левой руки себе и корму каноэ, которое одолжил для дела. Когда подлатанного мальчишку, зачем-то по всей строгости скованного наручниками, привели в отделение, там его уже дожидался Ридженс Хук.

«Говорят, у тебя там вышел не то чтобы взрыв, – заметил он. – Скорее мокрый пшик».

Ну и все.

Та ночь оставила Эверетта Моро с девятью пальцами и кличкой. Так что, когда настал час Ридженсу Хуку по-настоящему невзлюбить его за унижение, они уже были знакомы. Ну, и Пшика не так уж сложно узнать с руками за головой.

Узрите, Пшик Моро в пятнадцать: растущий, как сорная трава на болотах, воспитанный улицей, темноглазый сорванец каджунских кровей, с матушкой на грани отчаяния, с отсутствием будущего, если он, конечно, не хотел мутить креозот или таскать кирпичи в Слайделле. Полно мечтаний, мало планов. По большей части Пшик из всех сил старался придерживаться верного пути, но этот путь, казалось, совсем не помогает оплачивать счета, даже несмотря на его собственные три работы и матушкины смены в клинике Пети-Бато и Слайделл Мемориал.

Однако перемены были уже не за горами, ведь Пшику предоставилась неожиданная возможность. Этим летним вечером, под кровососушей пеленой комарья над болотным мраком и дозором из кипарисов на берегах Хани-Айленда, Пшик заключит сделку, и тогда они с матушкой смогут немного освободиться от внимания Ридженса Хука, который в ухаживаниях за Элоди Моро только наращивал обороты. Не проходило, казалось, и дня, чтобы он не заявился к двери Моро с очередным дерьмовым предложением, за каким чертом его занесло по разбитой дороге в самую ее задницу:

«Жалоба на шум».

«Прогул занятий».

«Нарушение общественного порядка».

Господи, да хоть переход улицы в непопозволенном месте – Хук бы и это откопал. Всегда с бутылкой игристого вина, облепленной хладоэлементами в сумке-холодильнике своего «шевроле». Блаш. Матушкино любимое. И лишь вопрос времени, когда Ридженс наконец шагнет на порог, а там единственной преградой останется москитная сетка. А стремительный галоп такого человека, как Хук, москитной сеткой не остановить. Пшик знал, что матушка так и не прониклась симпатией к констеблю; однако ночи на болотах долгие, а пока Ридженс Хук метил всю территорию, остальные псы держались подальше.

«Ридженс мог бы нас обеспечить, дорогой, – одним вечером сказала Пшику Элоди, едва живая после длинной смены в клинике. – И мог бы тебя приструнить. Господь свидетель, я-то не могу».

Пшик понимал, что матушка, должно быть, смертельно устала и совсем уж упала духом – может, ухаживала за любимым пациентом в его последние часы на этой земле, – чтобы вообще заговорить о том, что Хук для нее вариант. Пшик понимал, что единственной причиной, по которой Элоди Моро способна впустить на порог столь первосортного мудака, было остановить его, Пшика, криминальный галоп, а потому чувствовал ответственность. Иногда Пшику снилось, как Ридженс Хук обнимал его матушку, с поцелуями и прочим, и тогда он просыпался в холодном поту, не имеющем никакого отношения к болотной духоте.

Так что Пшик в сотый, наверное, раз поклялся взяться за ум: поклялся со всем пылом и, надо отдать ему должное, в то время считал свои слова сущей правдой. Однако в силу возраста был склонен ошибаться. И спустя всего лишь неделю Пшик вернулся к прогулам.

«Просто я вот такой, – осознал он. – Мне никогда не измениться».

Потому, когда школу распустили на каникулы, Пшик поговорил с Уиллардом Карнаханом на парковке бара «Жемчужина». Карнахан был, наверное, единственным человеком в Луизиане, знающим болота лучше самого Пшика, так что мальчишка предложил самогонщику свои две руки и крепкую спину. Ответом стал испытательный срок, и этой ночью начиналось Пшиково обучение ремеслу.

«На лето – и все, – сказал он себе. – Самогонку или сигареты – и все. Ну, запчасти. Но никакой наркоты, никаких людей и всего такого. Заработаю так, чтобы от долгов избавиться и, может, взять жилье в городе. Подальше от Хука и славы лже-папки».

И вот Пшик прокрался на болота, не потрудившись поделиться этой новостью с Элоди; матушка была на смене в клинике и приковала бы его к батарее, если б узнала, с кем он связался.

Пшик опустил фанерную пирогу собственного изготовления на воду практически у самой лачуги Моро, но решил не заводить длиннохвостый двигатель, привинченный к корме. «Сегодня все изменится», – думал Пшик, работая веслами в полном ила затоне и держась поближе к границе камыша.

«На мне черная футболка, ну и на всякий есть с собой пачка джерки, – думал девятипалый мальчик. – Все будет пучком».

Ридженс Хук был, вне сомнений, личностью колоритной. Едва ли нашлось бы преступление, к которому он так или иначе не приложил руку, либо не закрыл на него глаза. Можно смело сказать, нынешнее свое место он занял отнюдь не потому, что регулярно ходил в церковь и пек печенье для Африки. Хук попал в охрану правопорядка через армию, а в армии он оказался, считая ее поприятнее федеральной тюрьмы. Именно такой выбор стоял перед ним, когда восемнадцатилетний Ридженс предстал перед судьей округа Майами-Дейд. Секретарю пришлось как следует набрать воздуха, чтобы зачитать обвинения, которые включали, но не ограничивались следующим:

Сговор о совершении преступления, мошенничество с использованием почтовой связи, подкуп свидетеля, угон автомобиля, угон игры «Великий автоугонщик» (незаконное скачивание), хранение наркотиков с целью сбыта, нанесение телесных повреждений, препятствие осуществлению правосудия.

Судья на сей перечень отозвался бранным «Господи, твою налево, Иисусе, пацан», из-за чего, по сути, оказался повинен в неуважении к собственному суду, и предоставил юному Ридженсу:

Вариант «А»: армия.

Или вариант «Б»: исправительная колония «Бейкер».

Ридженс выбрал «А», получил заключение по делу, поступил на службу, отправился по распределению, перебил массу народу и вернулся домой пару десятилетий спустя с кучей медалей, а позже перебрался на три штата западнее, в Пети-Бато, Луизиана, где заслуженного ветерана приняли с распростертыми объятиями – и без малейшего представления о многочисленных и разнообразных грехах его прошлого.

И теперь, разменяв четвертый десяток и являясь констеблем крошечного прихода, колесил по нему в собственном авто с полнейшей вседозволенностью. Ридженс едва ли мог поверить в то, как радужно все сложилось. Папаша постоянно твердил: «Хорошее приходит к тем, кто благочестив», именно потому Ридженс каждый гнилой бакс в своем бумажнике рассматривал, как увесистый «шел бы ты на хер» своему мертвому папаше, потому что ни черта не был благочестивым.

Главным источником гнилых баксов для Ридженса была беготня на посылках для Айвори Конти, представителя картеля Лос-Сетас в Новом Орлеане. Айвори прикармливал десятки копов, но Ридженс взлетал по этой карьерной лестнице выше и выше – благодаря непоколебимой натуре и готовности перевозить через мост Пончартрейн все, что только влезет в багажник его «Шевроле Тахо». И похер, что парни под началом Айвори туда закладывают, пока оно не протекает, не просыпается или не оставляет компромат иным способом.

В ночь, когда начинается наша история, Ридженс припарковал «шев» у лодочной станции Боди Ирвина и повел облюбованный им моторный катер вверх по реке – маленько побеседовать с парнем, который ужасно облажался на территории Айвори.

То, что эта беседа вообще должна состояться, вызывало сожаление, ведь парень, с которым Ридженс обязался переговорить, был полезен – даже уникален. Но, с другой стороны, если работаешь на Айвори – значит, должен переступать черту, а если переступаешь черту – значит, можешь заколачивать куда больше обычных двух тысяч четыреста долларов в месяц.

«Так что иди-ка ты на хер, папаша», – подумал Ридженс и прибавил газу, взрезая водоросли алюминиевым носом «Элоди».

«Элоди».

В честь сущего ангела, матушки этого недомерка Пшика Моро.

Видит бог, уж это таки заставит ее оттаять.

Свою натуру Ридженс знал достаточно хорошо и понимал, что он уже на пути к одержимости этой каджунской девчонкой. Девчонкой? Ха, да она взрослая женщина, у которой вышел срок годности и нечем похвастаться, кроме сына-идиота, а его Хук считал скорее обузой, нежели ценностью.

«Так недолго и умом повредиться, сынок, – говорил он себе. – В конце этого пути только боль».

Однако Ридженс не мог сдержать в узде устремления, и дело отнюдь не в физической их стороне. Для этого было полным-полно хибар со шлюхами, куда он постоянно наведывался. А вот интерес к Элоди Моро был рассчитанным на несколько более долгосрочную перспективу.

«Да она должна небеса благодарить, что такой мужик, как я, вообще на ней взгляд задерживает», – повторял себе констебль Хук по несколько раз на дню, что, впрочем, ни на каплю не уменьшало раздражение от того, как продвигались его ухаживания. Ему хватало ума уловить психологию ситуации – а именно, что он страстно желал того, на что не мог наложить лапы, – но знание это ничуть не умаляло его желания.

«Может, если бы она не отшила меня вот так на людях. Глядя сверху вниз, как будто я ей крыса, которая с реки приползла».

Женщины отвергали Ридженса и раньше, однако часто пересматривали свое решение, когда он подходил к ситуации по-другому, например, в четыре утра в темном переулке. Черт, да один раз ему даже говорить ничего не пришлось: свистнул немного фальшиво, склонил голову набок – и готово.

Но Элоди... в Элоди куда больше стали. А каким она смерила его взглядом в баре первый раз, тогда они столкнулись вне участка. Когда Ридженс вошел, она сидела, сгорбившись над кружкой кофе, до сих пор одетая в медицинскую форму после смены. Хук только глянул и подумал: «Элоди вся умаялась, авось даст слабину». Так что он подошел эдак вразвалочку и небрежно бросил: «Доброго утречка, сладкая. Помнишь меня? Звать Хук, и я б присунул тебе свой крюк».

Пошло до ужаса, однако Ридженс не привык идти к цели сладкими речами. Обычно прокатывала любая избитая фразочка. Но не в этот раз. Элоди подняла голову так, словно та со всеми несчастьями внутри весила тонну. Уставилась на него глазами цвета шоколада и прямо перед всей завтракающей братией ответила – чуть громче нужного. А сказала она следующее: «Констебль, я всю ночь соскребала дерьмо старика с гипоаллергенного наматрасника, и лучше я буду всю жизнь заниматься ровно тем же, чем позволю вам что-либо мне присунуть».

Замечание вышло, безо всяких сомнений, остроумным и едким. Парни в «Жемчужине» чуть животы не надорвали от хохота, и Ридженс ретировался, сверкая багровеющей шеей. С тех пор Элоди, бывало, говорила вещи поприятнее, однако Ридженс по-прежнему чувствовал под воротом тот жар.

Глава 2

Пшику часто казалось, что в отношении удачи его сильно обделили. Всем везло ну хоть немного, всем матушка-природа подбрасывала кость. Пшику же достался дар, который нередко встречался среди каждунгов – кровососущие твари не испытывали к нему ни малейшего интереса. Может, это все французская кровь, но скорее дело таки в карибской. Пшик не мог даже представить, как остальные могут выбираться на болота после заката, когда москиты едят их поедом. А потом с утра видишь этих туристов, покрытых гематомами, как после пыток. Дерьмо в духе Гуантанамо. Ничто так не портит модную татуху на икре, как россыпь гнойных шишек. Пшика кусали разве что-то пару раз в сезон – и то, если разгулялись какие-нибудь лютые стрекозы.

Вот и вся его удача.

Незапятнанная кожа.

На такой почве парню жизнь не перевернуть. Ну, разве что, пока он будет висеть где-нибудь в торговом центре, его вдруг заметит менеджер модельного агентства. А это уж очень маловероятно. Пшик просто так не зависал. Он был из парней категории «не-хватает-часов-в-сутках». Все время крутился, все время пытался срубить денюжат.

С каджунской шкурой, по крайней мере, было сподручнее ставить ловушки на раков. Пшик доплывал на лодке до Хани-Айленда и подвешивал на воду с полдюжины этих клеток у приметных кувшинок, а потом еще несколько часов ловил рыбу сетями, пока шнур ловушек не натягивался до предела. За все годы рыболовства кусали Пшика всего раз – и то, не москит, а щитомордник, случайно запутавшийся в клетке. Да и то, змея уже, должно быть, вся изощлась, ведь следы зубов разве что припухли.

«Сегодня у меня на прицеле рыбка покрупнее, – подумал Пшик, поймав sentimentalный настрой. – Преступная жизнь».

Он знал, что перешагивает некую границу и возврата уже не будет, но Ридженс Хук – дьявол в фуражке, на прицеле которого Элоди Моро, так что Пшик должен был позаботиться о том, чтобы убраться от Хука подальше.

«Может, если б мы жили посреди застройки, где куча свидетелей, тогда Хук поуломился бы и отвалил».

Корявые рассуждения Пшика строились на его детском представлении о злодеях. Откуда ему знать, что типы вроде Ридженса Хука не могут уговориться. Только завестись еще сильнее.

Единственное, что было способно уговорить Хука, это пачка амфетаминов, кварта бурбона и проститутка на пороге.

Выжимки из досье на потенциального босса Пшика были следующими: Уиллард Карнахан, поставщик всего законного и незаконного. Не гнушался вообще ничем, насколько Пшик слышал. Сарафанное радио трещало о том, как недавно во Французском квартале Карнахан уложил уличного барыгу в кому – из-за дозы кока, которая оказалась детской присыпкой и забила ему ноздри – и больше никогда не пересечет мосты-близнецы в связи с возмездием, ожидавшем его в Новом Орлеане от рук начальства мелкого деляги. Уиллард был судоводителем: он мог вести корабль по реке Перл, ни разу не зацепив берег. Днем он занимался лодочными экскурсиями, а ночами крутил сделки в крохотных притоках – хоть с закрытыми глазами, если придется. Карнахан владел перегонным цехом, полностью законным предприятием, пока в нем не гнали мутный самогон. По официальной версии, Карнахан занимался очисткой воды, а в действительности – древним как мир делом производства бальзама на душу, для жаждущих алкоголя болотных псов. Участок шерифа в Слайделле получал откаты бутылками, так что все по большому счету плевать хотели на происходящее. Однако бутылки были тяжелыми, а значит,

прикинул Пшик, Карнахану пригодится чернорабочий, знавший болота почти так же хорошо, как и он сам.

Они договорились о поздней встрече на старой пристани Хани-Айленда. Пшик предположил, что потом, когда он хорошо себя проявит, ему позволят забирать товар у пристани самого Карнахана. А пока – его ждала проверка.

«Ну а вдруг я типа малолетний наркоша», – подумал Пшик, высматривая Уилларда из своей пироги среди камышей у западного берега.

Вид открывался вполне себе, лунный свет отражался от листьев кипариса, и всякое такое. Пшик увидел у самой кромки воды Карнахана, в узких джинсах и футболке без рукавов. Однако будущий босс пришел не один. На причале стояли двое: Карнахан с этой его всклокоченной прической а-ля «Твистед Систер» и здоровяк размером с холодильник. А здоровяком этим был не кто иной, как Ридженс Хук, в чем вообще не оставалось никаких сомнений.

«Что за черт? – подумал Пшик. – С чего это Хук связался с преступной рожей вроде Карнахана?»

Издалека не понятно, что там происходит – вдруг констебль просто допрашивает подозреваемого, – но Пшик в этом сомневался. Ридженс Хук не из тех, кто станет утруждаться, да еще и посреди ночи.

Между Пшиком и подозрительной парочкой на дальнем берегу тянулось слишком много воды, чтобы расслышать разговор, однако это можно было исправить. И если смекнуть, когда же именно все покатилося по причинному месту псу под хвост, то момент этот стремительно и неминуемо приближался.

«Надо подобраться ближе, – подумал Пшик. – Может, разнюхаю чего про Хука, если когда-нибудь придется от тюряги отмазываться».

И вот он: миг, который полностью изменит ход жизни юного Эверетта Моро. Пшик был близок к тому, чтобы совершить смертный грех всех наблюдателей, шпионов и преследователей, а именно: да не встречай ты в происходящее. Держись, мать твою, подальше от того, за чем следишь, и не мути воды своей персоной.

В конкретном случае Пшика воды были уже достаточно мутными, но мальчик взял и взбаламутил их еще больше. Он поднял винт и погреб к берегу Хани-Айленда, не обращая внимания на жаб с их низким, зловещим, предостерегающим кваканьем. Весло зацепило бугристую шкуру аллигатора, однако Пшик настойчиво продолжал в упор не видеть дурных знамений, ведь пребывал в том возрасте, когда каждая собственная идея кажется единственно верной. Так что мальчик настойчиво продвигался вперед, низко пригибаясь и жалея, что нет с собой какой-нибудь камуфляжной дряни, обмазать лицо и руки. Не то чтобы он вообще располагал столь специфическими материалами, зато у матушки были все на свете крема и, ежу понятно, хоть одна банка бы с задачей справилась. Однако, что толку мучиться теперь. Он же не мог заглянуть в будущее и подготовиться к такой встрече.

Каких-то полдюжины гребков – и пирога подобралась к приподнятому берегу Хани-Айленда. Пшик ухватился за рогоз и подтянул свое судно в укрытие их зарослей. Маневр прошел тишайше, и Пшик поздравил себя с таким талантом, представляя, что в прошлой жизни он служил в спецназе, наверное, или был ниндзя вроде тех героев, обожающих черные тапки и повязки на голову.

Хук и Карнахан по-прежнему трепались вдалеке, но теперь Пшик улавливал обрывки фраз. Например, как Хук сказал:

– В жизни не видел ни одного знака, кроме сгиба посередке...

Это могло относиться к чему угодно, от Санта-Клауса до полицейского осведомителя.

Потом Уиллард Карнахан заметил:

– Ни в какое сравнение с мужиком, которого я встретил в Слайделле.

Всё стало еще более неопределенно, кроме ссылки на центральный город их прихода.

Подобный невинный обмен фразами продолжался целую вечность – ну, или так просто казалось, – и Пшик уже начал сомневаться, что из подслушивания выгорит нечто путное. За шелестом камышей и проклятым жучьем, которое уже заводило ночной концерт над болотами, он никак не мог поймать нити разговора от начала до конца, а то, что до него долетало, напоминало типичный треп за барной стойкой.

Уиллард: «На полном серьезе, констебль. Мудила паялился, пока я не вскрыл его...»

И Ридженс: «Клянусь, пацан, у мамыши Хук была такая тема, когда два червя...»

Все это было бесполезной болтовней, так что, судя по всему, грандиозный план Пшика выходил каким-то идиотским. И Пшик постепенно убеждался, что можно с тем же успехом свернуть лавочку и затихариться, пока Ридженс не уберется вверх по реке.

«Подберусь чутка ближе, – решил он. – И еще пять минут, а потом, на хер, валю».

Пшик выбрался из пироги на берег и, прикинув, что ниже в жизни уже некуда, пополз, словно змея, сквозь камыши, очень-очень медленно огибая сомнительную парочку полуночников и надеясь, что его реально не ухватит за жопу настоящая змея.

Высунувшись из-за пня, он как раз успел увидеть крысу размером с канталупу, лениво удалившуюся в кусты. Прежде чем ее тылы скрылись, тварь бросила на него взгляд, говорящий: «повезло тебе, что я жрать не хочу», и Пшик так обалдел, что не сразу уловил новый оттенок беседы Хука-Карнахана. Градус температуры между ребятами как будто понизился.

«Надо б сфоткать», – сообразил Пшик и вытащил из водонепроницаемого кармана околокамouflжных рабочих джинсов смартфон. Однако, как это часто бывает, все сложилось бы куда лучше, если б мальчишка удержал причиндалы в штанах.

Хук гадал, есть ли какой-нибудь хитрый способ все-таки не закручивать Уилларду гайки.

«А ведь я могу просто отпустить идиота. Сказать, мол, побрей башку и купи костюм. Переименуйся в Уилберта вместо Уилларда. Айвори даже ничего не заметит».

Однако Карнахан был из породы тех, кто слишком туп, чтобы постичь суть такого понятия, как «последствия». Рано или поздно он примется трепать языком по всему Французскому кварталу о том, как увернулся от пули Айвори, и тогда вместе с Уиллардом в полном дерьме окажется и сам Хук.

«Бля, – подумал он. – А выбора-то нет».

Хук взялся за это задание, надеясь, что где-нибудь по ходу пьесы найдется капля пространства для маневра, но теперь, в конце этой самой пьесы, иного исхода, кроме как завершить дело, а после как-нибудь заткнуть дыру размером с Карнахана в своих планах не существовало.

Потому что планы Хука были грандиозными и распространялись малость дальше, чем годы, проведенные констеблем в этом вонючем приходе. Хук положил глаз на всю организацию Айвори, которую намеревался укрепить и расширить на север до Канады, отсекая всю Южную Америку.

Он уже скармливал по крупицам информацию о своих планах, чтобы контрабандист оценил его теории, и теперь Уиллард поднял тему:

– Переговорил со своим человечком из автомагазина. Он может гнать груз без ограничений. Парни Айвори на стенку от скуки лезут, из развлекаухи только шлюхи на заправках. Так что провезут что угодно, дурь или пушки. Им похрен, только бы платили.

– Хорошо, – заключил Хук, – очень хорошо, Уиллард. Имена записал?

– А то, как ты и говорил. – Уиллард вручил Хуку мятый чек с нацарапанными на обратной стороне именами.

– Должен сказать, Уиллард, – сказал Хук, убирая список в карман, – а ты определенно не боишься вызова.

Карнахан принял комплимент с блестящими, как у щенка, глазами.

– Спасибо, партнер. И что, как скоро мы выступим против Айвори?

– Скоро, сынок, – отозвался Ридженс. – Мне еще надо усилиться со своей стороны. Понаблюдал за Джи-Хопом, нашел себе несколько братьев. Двое – верняк.

– И ты настаиваешь на пушках? Не наркоту? Наркота до фига легкая, пушки до фига тяжелые.

Хук спорил с собой по этому поводу месяцами, так что сейчас был благодарен за возможность выложить все тому, кто не станет потом трепаться в баре.

– Слушай сюда, Уиллард, – сказал он. – Сейчас разложу тебе по полочкам всю нашу философию. Продажи героина падают, так? Кокс дешевый, и его теперь толкает любой утырок с ногами. Уже скоро мы перестанем быть нужны мексиканцам; у них есть свои люди на этой стороне границы. Албанцы, русские, пуэрториканцы, ирландцы – да сейчас даже канадцы сбиваются в банды. Братья Бекон – ты представь имечко, а? Так что совсем скоро канал поставок Айвори будет никому не нужен. Курьером станет любой отморозок с рюкзаком. Так что этот поезд уже тью-тью, даже если Айвори еще не догадывается.

– Грёбанный канал бесполезен? – выругался Уиллард. – Тогда на кой ляд мы его захватываем?

– Канал-то не бесполезен, – не согласился Хук. – Канал всегда полезен. Даже товар сейчас полезен. Но нам надо переключиться.

Уиллард сыграл свою роль в дискуссии, спросив:

– Ага, но переключиться на что?

– На пресловутую Вторую поправку, – ответил Хук, козырнув. – Право носить оружие.

– У нас оно уже есть.

– В каких-то штатах больше, в каких-то меньше. Калифорния далеко не такая гибкая. Нью-Йорк обставляет все так, что получить разрешение почти невозможно. Нью-Джерси, Коннектикут, даже Гавайи. Все эти жизнерадостные американцы умоляют о пушках. И если я в чем-то разбираюсь, Уиллард...

– Это пушки, – закончил мысль Карнахан.

– Именно. Покупаешь дешево в Луизиане, продаешь дорого в Калифорнии. Так устроен мир. Поверь, НСА¹ долго против либералов не выстоит. И что самое лучшее – мы удержим все в пределах континента. Никаких буйных южан.

– Теперь понял, – отозвался Карнахан. – У нас внутренний бизнес.

Хук щелкнул пальцами.

– Внутренний бизнес. Вперед, Америка.

– Да у тебя все схвачено, констебль, – произнес Уиллард. – Нигде лажа не проскочит.

А потом Хук сунул руку в карман ветровки – и температура резко упала ниже нуля.

К тому моменту Пшик уже был в полной боевой готовности – лежа в грязи, переполняемый гордостью, с наведенной на Хука и Карнахана камерой. Похоже, душевная часть вечера завершилась. Ни смеха тебе больше, ни похлопываний по коленке.

– Но есть проблемка, Уиллард, – говорил Хук. – Побои, которые ты устроил в Новом Орлеане.

Карнахан хохотнул, и Пшик увидел, как в режиме ночной съемки блеснули черным его зубы.

– Да пошел на хер тот пацан, Ридженс. Продал мне дурь, а это была не дурь ни хера. Слышишь? Сраная присыпка для детских жоп. На неделю мне пазухи засрала. Бля, да они до сих пор засраны. Каждое утро просыпаюсь и дышать не могу. Так дела не делаются.

Хук будто бы немного вырос, словно выпуская на волю истинного Ридженса.

¹ Национальная стрелковая ассоциация – некоммерческая организация США, объединяющая сторонников права граждан на хранение и ношение огнестрельного оружия. (Здесь и далее, если не указано иное – Прим. ред.)

– Видишь ли, сынок, тот пацан, которого ты отделал... Ты отбил ему мозги, так что его отключили от аппарата. Его матушке пришлось под этим подписаться. Ты прикинь?

Карнахан обеими руками взъерошил волосы так, что они встали вертикальными шипами.

– Плохо. В натуре плохо, Ридженс. Но тот пацан все заливал про товар, мол, чис-тейший и прочее дерьмо. Нельзя же кидать клиента и ждать, что обратка не прилетит?

Хук закинул руку на плечи Карнахана: медведь, приобнявший оленя. Правда, оленю обычно хватает ума смекнуть, что именно сегодня у того в меню, но Уиллард Карнахан, по всей видимости, считал себя незаменимым.

– Да я ваше платить за нюхло не должен, – продолжил он, – со всем дерьмом, которое я кручу для тебя вверх по реке. Но тут вдруг оказался весь такой в настроении, ну, знаешь, так что полез в собственный карман за кровными. И что делает этот мудила? Продает мне подставу. Мне! Гребаному коксоштурману.

– В этом ты прав, – согласился Хук и даже слегонца так скривил рот, как будто действительно принимал в расчет довод Карнахана. – Но, видишь ли, пацан приходился Айвори племянником. Пытался проявить себя. Даже не должен был стоять на том углу. Юный Винсент, по идее, должен был грызть гранит науки.

А это – куча сведений, причем конкретных, будто Хук узнал их из первых уст.

– А... Айвори. С-сраный Айвори? – начал заикаться Карнахан. – Я даже не знал. Откуда мне знать-то, констебль? Айвори?! Какой-то итальянский щенок на углу толкал детскую присыпку для задниц, насколько мне было известно. Но у меня-то есть малость заслуг перед Айвори, правда?

Пальцы Хука стиснули плечо Карнахана.

– Бля, пацан. Ты все свои заслуги уже слил, и половину моих за компанию.

Пшик еще даже не особо вышел из детского возраста, но тем не менее смекнул, к чему идет дело. Это существенный перебор компромата. С такими сведениями на лоботомию победишь первым в очереди, чтобы уж наверняка свидетельствовать не пришлось.

– Я штурман, констебль, – сказал Уиллард. – Никто не сможет ходить по болотам как я. С тех самых пор, как мы открыли канал, я не продолбал ни единого груза. Ни сраного грамма.

– Это правда, сынок, – признал Хук с искренней грустью на лице. – Так что ты смешал планы и мне, ведь теперь придется обучать замену.

У Карнахана в заглазнике нашелся еще один аргумент.

– Но у нас же планы, Ридженс. Мы партнеры.

Ридженс вдохнул.

– Были, верно. Пока ты не похерил племянничка Айвори. Я еще не готов к войне. Мои планы пока не прошли проверку на прочность.

Сцену окутала тонкая дымка реальности, и Карнахана оставила всякая надежда. Он осел в объятьях Хука, словно проткнутый надувной человечек, в один момент показалось, что не подпирай его констебль, контрабандист и в самом деле рухнет.

– Ну, соберись, сынок, – произнес Ридженс. – Заказал музыку – плати музыканту, – тут он просвистел несколько нот военного марша. – Уловил, сынок? В твоём личном случае музыкант – я.

На распластавшегося в болотной грязи, пока раки и еще бог весть что пощипывали его за шнурки, Пшика снизошло озарение. Момент этот не имел отношения к Богу – на Бога и его ребятку у Пшика точно не хватало времени. Нет, снизошедшее на него откровение было физическим, заставив осознать собственную брэнность. Мальчишка был не дурак. Он знал в теории, что где-то в далеком будущем умрет. Но для Пшика, как и для большинства детей, это – теория. А еще Пшик почти верил, что к тому времени, когда настанет его час, ученые уже успеют уладить все эти заморочки со смертью.

Но прямо сейчас, на берегах топкого байу, под серебряником луны, что бросала свет на ходячего покойника и того, кто сейчас его убьет, Пшик ощутил, как прямо перед ним разверзся зияющий вакуум собственной смертности. И с полной уверенностью осознал, что, если он себя выдаст, Ридженс Хук прикончит его и не поморщится.

– Ай, ну констебль, – заговорил Карнахан, – мы партнеры, разве нет? Ну что-нибудь точно можно придумать.

– А вот ни хрена, – отозвался Ридженс Хук и сдвинул набекрень фуражку, как славный парень. – А теперь слушай. Там в Пети-Бато одинокая мамаша ждет не дождется, когда я ей ноги раздвину, так что пора мне тут кончать. Ты ж понимаешь, да?

Карнахан вздохнул, не то чтобы соглашаясь с Хуком относительно собственной судьбы.

– Н-да, пожалуй. Так и будешь гоняться за хвостом, а, констебль?

– Именно, сынок, – отозвался Хук и вытащил руку из кармана ветровки; две костяшки скрылись за крестовиной. Ридженс выкинул большим пальцем лезвие с крюком и ударил Карнахана ниже ребер. Нож для свежевания вспорол плоть буквой W.

Уиллард немного дернулся.

– Не по-товарищески, констебль. Ты что, меня убил?

Хук вытер нож о рубашку Карнахана.

– Агась, сынок. Именно. Соболезную.

И небрежно его толкнул, словно вышвырнул за двери клуба.

Уиллард Карнахан рухнул в байу, и вязкая пелена приняла его, едва хлопнув. Рана была столь огромна, что внутренности вывалились наружу, и донные рыбы почти мгновенно ринулись растаскивать неожиданный щедрый дар из кровавого месива. Сил вовсе не осталось, и все, что Уилларду удавалось – это злобно коситься на камыши, хватая раззявленным ртом в равной пропорции воздух и грязь. Для Карнахана жизнь замедлилась на треть, и все, что ему хотелось, оказалось невыполнимо. Наблюдать, как мир постепенно становится все дальше – вот и все, что он мог.

– Эй, сынок, – позвал Ридженс Хук, – болото забирает тебя в свое лоно. Справедливо, а?

Если бы Ридженс развернулся прежде, чем отпустить финальную шпильку, он бы, наверное, не заметил шевеление в камышах. Да и вообще, ничего страшного. В такой глуши много чего может шевелиться. Тем не менее, обычно никто из этого «много чего» не брякает что-то из серии «господи бля боже», которое донеслось, Хук был уверен, откуда-то из флоры. И, даже если б он только что не совершил убийства, столь дотошный человек, как констебль Ридженс Хук, должен был выяснить, кто же там заигрывает со второй заповедью.

А случилось следующее: Карнахан проплыл мимо осевшего причала и поравнялся с юным Пшиком, который уже давным-давно оставил мысли о шантаже и жалел лишь, что нет красных туфель, чтобы стукнуть каблуками и свалить. У бедняги Уилларда на лице застыло выражение где-то между «я в жопе» и «мертв», подчеркнутое бледностью, которая ясно давала понять, что его краткое путешествие от одного к другому скоро подойдет к концу.

Пшик вдруг поймал себя на том, что не сводит глаз с умирающего, гадая, какое воплощение смерти победит в гонке за Карнахана – кровопотеря или утопление? Или, может, явится аллигатор? Но, как оказалось, был там еще один претендент. Из воды, словно крапчатая куполообразная субмарина, на целый фут вырвалась гигантская каймановая черепаха, истерически защелкала клювом и сорвала лицо еще живого Карнахана с черепа, на что Пшик и воскликнул «господи бля боже!».

Он еще никогда не видел таких черепаш – панцирь размером с маленькую машину и длинная шея, увитая венами и стоящая колом как член, которым его добрый друг Чарльз-младший так любил из гордости размахивать.

Народ на болотах часто говорил о кровожадной натуре этих по большей части кротких созданий, но не многие видели пример воочию.

Это, более чем вероятно, была финита ля комедия для Уилларда Карнахана и его похаживаний современного пирата, однако никто не увидел, как он вместе со своим ободренным черепом скрылся под водой, ведь Пшиков собственный богохульный рот назначил его свидетелем и, тем самым, мишенью, так что мальчишка подскочил и зигзагами, как заяц, рванул в глубь острова.

Силуэт с зеленоватым свечением телефона в руке со всех ног рванул в глубь острова. Хук проводил его хмурым, раздраженным взглядом.

– Матерь божья, что за день.

В представлении Ридженса Хука за последние двенадцать часов его порядком затюкали.

Сперва ему испортила настроение вся эта история с Элоди Моро, потом Айвори заставил его выпотрошить штурмана, а теперь какой-то непонятный человечек снимает тут об этом занимательное кино?

«Компромат», – подумал Хук. Этот сраный Айвори задумал затянуть поводок потуже. Он как будто неверно толкует их взаимоотношения, забывая, у кого тут жетон. Кто ж еще мог? Айвори настоял на мокрухе, потом уложил в засаду какого-нибудь городского пацана поиграть в реалити-шоу. А посмотрев съемку, наркобарон получит куда больше сведений, чем рассчитывал.

– Не сегодня, Айвори, – Ридженс Хук похлопал по кобуре служебного «Глока». Пальба разнесется над водной гладью предельно четко и далеко, но что поделать. Выстрелы на болотах всегда можно объяснить. А вот видео – нет.

Ридженс не стал тратить пули на испанский мох и вместо этого осторожно прокрался по полусгнившим доскам к собственному болотному крейсеру и отчалил. Причин выбрать лодку было две: первая – шпион-идиот застрял на острове, вторая – в ней под замком хранилась парочка игрушек.

«Сперва вымотаю помповым, – решил Ридженс, – потом добыю вблизи из “Глока”».

Оттолкнув плоскодонку от причала, констебль Хук вдруг подумал, что лишь второй раз в жизни убьет двоих за одну ночь.

«А нет, обожди, Ридженс. Что-то ты продешевил. В прошлом году во Флориде ты прихлопнул того парня из защиты свидетелей и его вербовщика».

Человек из программы – цель нелегкая.

Так что будет третий раз.

Определенно третий.

За мирное время.

Первое знакомство Пшика с дробью случилось, когда он проломился сквозь мангровые заросли на западном берегу Хани-Айленда. Он вообще-то не собирался ни через что ломиться, просто все случилось внезапно, как та скала в мультфильме «Хитрый койот и Дорожный бегун»: только он, значит, ковылял по вроде, если прищуриться, тропинке, а уже через секунду его нос торчит на открытой местности, и Хук тут как тут на воде, весь заряженный и готовый спускать. Пшик увидел в красном свечении кончика сигары челюсть Ридженса Хука, а потом ствол вскинулся вверх, и парень заработал огнестрельную рану на предплечье. И близко не смертельную, с расстояния-то в шестьдесят ярдов, даже кожу не особо рассекло, но ощущать ее Пшик будет еще долго.

«Не на поражение, – подумал он. – Падла меня загоняет».

Отдача мотнула лодку назад, Ридженсу пришлось править рычаг двигателя, и это дало Пшику секунду втиснуться в заросли и перевести дух.

Он раскинулся на спине, чувствуя, как жжется след картечи, а болотная грязь холодит причиндалы.

«Как мне свалить на хрен с этого острова? – думал Пшик. – Не достанет Хук, так аллигаторы точно, твари, справятся».

Ответ дал маслянистый запах воды.

Насколько Пшик мог прикинуть, единственным его выходом было переждать. С первыми лучами солнца сюда направляются туристические кораблики из Кроуфорд-Лендинг, с десятками приезжих, жаждущих увидеть легендарного болотного Бигфута. И тогда Ридженс Хук уже никак не сможет выстрелить – когда в его сторону повернута толпа камер, потому что в соцсетях просто обожают видосики, где копы пускают в ход оружие.

«Надо не высовывать башку и захлопнуть рот, – осознал Пшик. – Проще не бывает».

Но в глубине души он знал, что за этим выводом стоял чистой воды оптимизм. Ридженс Хук в кровавом спорте не новичок и едва ли рассыплется лужей соплей потому, что Пшик спрятался на острове.

Что и подтвердилось считанные секунды спустя, когда разверзся ад.

Первой мыслью Пшика был вулкан, что могло показаться фантазией идиота. Но, справедливости ради, пусть мальчишка и считал себя крепким орешком, ему никогда не доводилось приближаться к зоне боевых действий хотя бы на тысячу миль, и в его системе не было координат для воцарившейся вокруг какофонии взрывов. Тысячи человеко-часов за «Плейстейшен» и близко не валялись рядом с реальным опытом.

Шум стоял жуткий, оглушительный «бды-ыщ» поднимался от земли и бил в Пшика волнами звукового ужаса. Ил, раковины, корни и куски породы измельчило в пюре и взметнуло вверх струями месива, которое затем рухнуло на мальчика жестоким ливнем и забило в самые поры. Пшику казалось, будто его без церемоний хоронит, погребает под одним только весом грязи, льющейся с неба на худощавое тело.

«Ма никогда не узнает, что со мной стряслось», – вдруг дошло до Пшика, и мысль привела его в ужас. Он попытался крикнуть, но зря – в рот сразу же набился мусор. Глаза залепило грязью, даже футболку порезало обломками.

«Я труп, – подумал Пшик. – Ничего не могу сообразить».

Но дрожь земли постепенно унялась, и сквозь вой в ушах пробился смех. Судя по всему, Ридженс Хук охрененно веселился.

– Ну чо, понравилась световому граната, дружок? – подал он голос. – Зашла вкусняшка? Спорю, ты там раззявил тупую пасть, а? От души хлебнул болотного дерьма?

Хук снова расхохотался и, может, это все контузия, но Пшик был готов поклясться, что расслышал звериные нотки.

– Каждый раз после стычки какой-нибудь тупой щенок обязательно носился туда-сюда с раззявленной пастью и ловил полный рот шрапнели. Нам чаще зубы вырывало, чем конечности.

Пшик выглянул сквозь заросли. Неплохое укрытие, как ему думалось. Ридженс Хук восседал на кабине лодки, попиная ботинком лобовое стекло. На коленях, словно любимый питомец, лежал гранатомет. Модель была Пшику даже знакома, спасибо игре «*Call of Duty*»: ММ-1. Странная на вид, массивная ублюдина. Шарманка смерти.

– Прекрасная ночь, скажи, пацан? Спорим, жалеешь, что высунул нос из Нового Орлеана, а? Спорим, жалеешь, что старина Айвори не заслал шпионить кого-то другого.

«Айвори, – думал Пшик. – Хук не знает, кто я».

А значит, если он сумеет улизнуть от констебля, надо всего лишь добраться до пироги.

Хук закинул гранатомет на плечо.

– Сынок, я готов спорить, что ты думаешь, мол, надо всего-то тихо как змея проползти к своей лодке и грести отсюда. Ну, плохие новости с того фронта. Твоя лодка только что проплыла мимо меня в сторону залива. Ты, похоже, не очень-то хорошо ее закрепил.

Пшик сощурился по максимуму – вдруг белки глаз выдадут. Хук что, берет его на понт? Он вообще закрепил-то лодку?

Вряд ли.

Не то чтобы он вообще особенно планировал финальную стадию своей миссии. Так что теперь застрял на этом сраном острове с кабанами, пумами и, наверное, кучкой огненных муравьев, которые ровным строем вот-вот заползут в штаны. А если рвануть наутек, Хук впендюрит ему в зад гранату как реактивный снежок.

Да уж, ночь выдалась просто чудная.

Эверетт, блядь, Моро: гениальный стратег.

Как тот французский малый, который сходился с высокими дамами, чтобы выпендриться. Наполеон.

Ну только совсем другой, за исключением того, что обоих поймали на острове, если память Пшика не спала с другим. Или это Гека Финна поймали на острове.

Так или иначе, идиотом, которого сегодня вечером имели на обрамленном водой участке суши, был Пшик.

«Простите, мисс Ингрэм», – передал он мысленно учительнице обществоведения, единственной, кто пришелся ему по душе за всю десятилетнюю историю его обучения.

– Эй, сынок! – пророкотал Ридженс Хук. – Я скажу тебе вот что. Почему б тебе не выбросить эту твою мобилу? Все равно небось вымокла, вид жалкий. Черт, да я лично в твоём заявлении подмахну, что нужна новая. Потому что мы оба знаем, на этом отрезке реки сигнал ты не поймашь.

«Ничего не жалкий, – подумал Пшик. – Целенький, у меня в кармане».

– Сделай-ка мне такое одолжение, – продолжил Хук, – а я заберу свой ящичек боеприпасов и на том порешим. Что скажешь? Такой скидки даже в «Таргете» не дают.

Хук, по всему, был в настроении потрепаться. То есть в типичном для себя, по опыту Пшика. Ваксмен однажды поделился мнением, что фирменный стиль болтовни Хука подобен тюремному тортю: «Весь такой красивый и в глазури снаружи, но ты знаешь, что где-то внутри затаился нож».

Например, когда Элоди была поблизости, Хук неизменно обращался к Пшику как «месье Моро», ерошил ему волосы и все такое, говорил, мол, растет «отменный эфеб», но стоило матушке отвернуться, констебль наклонялся поближе и глухо ворчал непристойности из серии «Вот это кобылка, Пшик. Пусть пока побегает на воле, а потом, как умается, я ее поймаю на крючок». И ухмылялся блестящими от слюны губами: Ридженс Хук, принц среди мужей.

– Иначе, – говорил этот принц сейчас, – я определенно устрою острову ковровую бомбардировку еще полудюжиной таких же гранат из своего красавчика-гранатомета. И чтобы ты точно понял, что я тут не шулки шучу, вот тебе еще хлопущка, для мыслительного процесса.

«Бля, – подумал Пшик. – Бля и на хер».

Раздумывать над принятием верных решений не было времени. Да и при его наличии у Пшика не было тактического опыта. Стоит переждать или делать ноги? Что лучше? Оба варианта казались откровенно чреватые смертельной опасностью.

Пока Пшик метался между вариантами, Ридженс Хук откинулся назад и, нажав на крючок, запустил в ночь металлический цилиндр. Он взвился сквозь туманную дымку, оставляя позади шлейф серого дыма, и Пшик прикинул, что судя по траектории, жить ему осталось примерно секунд десять.

«Весь план – дурацкая затея».

– Прощай, мама, – прошептал Пшик, и была печаль, которую он унесет с собой в эту хлябкую могилу – что отныне между его матушкой и Хуком останется лишь москитная сетка.

– Прости меня, Иисус, – продолжил Пшик, чисто на всякий, – за всю херню, которую я натворил.

А потом он закрыл глаза и стал ждать конца.

Верн со всем удобством устроился в кресле от «Лей-Зи Бой» и смотрел «Болотных Рейнджеров» по Нетфликсу. Херня, конечно, но как он любил эту передачу. Мальчишки из Эверглейдс, разъезжавшие в гольф-картах, и, гоняя крошечных аллигаторов, ломали трагикомедию.

«Убил бы мальчишек на хер», – добродушно подумал Верн. Но, по правде говоря, он скорее всего не стал бы. Парни-то забавные, все из себя самоуверенные. Было бы весело понаблюдать, как это бахвальство с них стечет до самых ботинок.

Верн глотнул водки с содовой и рассмеялся.

«Только представь их рожи. Тупые козлиные бородки поотваливаются».

И он изобразил Джека Николсона для единственной на острове белки, сидящей с достаточно большими орехами у него на подоконнике.

– Погоди, меня еще заценят.

Потом Верн услышал взрыв.

– Ну, бя, – смиренно произнес он и поднял спинку кресла.

Если Верн что-то и усвоил за столетия, которыми прятался во всевозможных укромных уголках по всему земному шару, это вот что: есть вещи, предвещающие демаскировку.

Например, слоны.

Слоны – мудаки, и никто не убедит Верна в ином. Здоровые серые ублюдки чуют драконов носом, и нос этот зовется хобот. Был там некий самец, что работал на мамлюкского султана. Злобный ублюдок с мутным глазом и непонятной обидой на огненных ящеров. Гонял Верна по всей провинции Дели десять лет, пока одной приятной теплой ночью Верн не навестил его загон и не засунул этот хобот туда, где традиционно солнышко не светит. С тех пор старина Мутный держал навыки выслеживания драконов при себе.

Еще одним предвестником беды он считал ряды горящих факелов, поднимающихся по холму. Верн уже сбился со счета, сколько раз он дремал в том или ином гнезде и просыпался от гула оравы, вооруженной факелами. Люди в те времена были тупыми мудилами – ходить на дракона с факелами, но упорными, и как правило проще было перебраться, чем до конца дней отмахиваться от пылающих стрел.

Но знаком номер один в этом списке был взрыв. Чертовы умники – китайцы с этим их порохом. Эта дрянь забивалась между чешуей и чесалась как дерьмо последнее. И даже если люди не искали конкретно Верна, громкие взрывы зачастую проливали свет на все скрытое от глаз.

– В один такой прекрасный день, – обратился Верн к белке, подразумевая, что в этот самый день люди прошьют его каким-нибудь бронебойным снарядом, который пройдет сквозь чешую, как сквозь масло.

– И тогда всему живому в радиусе мили – финита ля комедия.

Разумеется, оценка была очень примерной. Если пронзить нутро Верна, радиус поражения выйдет куда больше мили. Когда в старину Синего Бена по чистой долбаной случайности угодили ранней моделью торпеды, он прихватил с собой на дно океана приличный шмат Корнуолла.

– Лучше все же проверю, – сообщил Верн белке. – Покончу с этой херней, что бы там ни было, пока не началось.

Верн выбрался из кресла, осторожно стянул футболку с «Флэшдэнсом» и аккуратно сложил ее по методу трех точных сгибов, который узнал от жизнерадостной дамы из Нетфликса. Это была любимая футболка, и он не хотел порвать ее в клочья, летая над болотами.

Пшик зажмурился, пустил горькую слезу и принялся ждать конца.

Только тот почему-то не наступил.

Каким-то вывертом физики Хукова граната, вновь показавшись из тумана, полетела обратно – другими словами, вернулась по той же траектории, приземлилась ровно между ног Хука и со стуком упала под планширь.

Большинство людей в недоумении выругались бы, многие принялись бы рыдать или вообще хлопнулись в обморок, но Ридженс Хук был сделан из другого теста. Он мрачно проворчал: «Блядь!», а потом живо спрыгнул с носа лодки в реку. Констебль едва успел скрыться под водой, прежде чем его граната, рванув, вынесла из левого борта зазубренный кусок, который кинематографично, не хуже фрисби, влетел в рощу и вонзился в раздутый ствол дерева со звонким «вж-ж-ж», как будто пила в руках деревенщины.

– Повезло, – сказал Пшик.

И говорил он в этот момент не только о себе. У Хука, в его коробке с сюрпризами, хранились одному богу ведомо какие нештатные взрывчатые вещества. На куски порвало бы пол-острова. Жареной кабанятиной до самого Слайделла бы несло.

Пшик рискнул встать на четвереньки, молясь Иисусу, Господу, Будде, Аслану и всем, кто там еще слушает, чтобы Хука расплющило между килем его тонущей лодки и болотным дном, чтобы он медленно умирал, глядя, как из носа сочатся пузырьки воздуха. Но узнать, была ли услышана его молитва, Пшику не удалось – именно в этот момент что-то очень сильное схватило его за пояс джинсов и дернуло вверх, в ночное небо Луизианы.

От земли до небесной выси за каких-то пару секунд.

Что, во имя?..

Мысль эту Пшик не закончил, потому что:

«А»: он был слишком потрясен, чтобы трезво рассуждать.

И «Б»: его причиндалы вжало аж в самый живот внезапным приемом, который вполне можно назвать ультразвуковым натяжением трусов.

Потому, пока Пшика Моро уносило над болотами все выше, единственной внятной мыслью, которую он смог связать прежде, чем вырубиться, была: «Эй, а отсюда видно наш дом».

Глава 3

Хук был продажным копом, на этот счет никаких сомнений, но и у продажности есть уровни. Патрульный, который то и дело берет кофе за счет заведения – это одно, а если взять констебля, который методично злоупотребляет возложенными на него полномочиями, чтобы отправлять на тот свет наркоштурманов по заказу криминальных царьков, то у продажности откроются совершенно новые глубины.

Побуждения – вот, что выделяло Ридженса среди прочих. Всякий коп, которому приходилось сидеть перед конгрессиональным комитетом или комиссией Службы внутренней безопасности, в конце концов стыдливо мямлил в микрофон заявление из серии: «Я стал полицейским, чтобы помогать людям, мэ. Не знаю, когда же все поменялось».

У Ридженса Хука ничего не менялось. Он с самого первого дня нацелился преумножить собственный достаток – ну, или даже до этого первого дня, говоря откровенно. То, как закаливались амбиции Ридженса – сюжет самый что ни на есть библейский. Его папашей был мнимый проповедник из Хомстеда, Флорида, который никак не мог собрать большую паству в связи со своей фанатичной приверженностью букве Библии, в основном ранним главам. Джеррольд Хук мог бы захомутать и побольше народу в Миссисипи, но ребята из Флориды предпочитали обеленную версию Иисуса, который не обличал их зимние пальто с меховой подкладкой потому, что Левит порицал одеяния, сотканные из не одного материала. А выходцы из северных штатов не стали бы терпеть проповедника, выбивавшего из их рук чизбургеры, ведь Исход провозглашает, что запрещено употреблять мясо и молочку за один прием пищи.

Юному Ридженсу оставалось лишь придерживаться папашиних ветхозаветных взглядов, и это серьезно отразилось на его отрочестве. То, что связано с пивом и причиндалами, даже не обсуждалось, а будь все проклято, если для подростка они не составляют весь мир. Ридженс пошел по традиционному пути неприкрытого бунтарства и за старания получил в награду порку, в буквальном смысле – во дворе перед домом, на глазах у друганов, за попираание Второзакония тем, что стал распутным пропойцей. Юный Ридженс с красным, как его же задница, лицом подумал: «На хер это дерьмо, я этого сраного святошу грохну и зарю».

Проповедника Джеррольда Хука угнетало то, сколь глубоко людям плевать на его служение, и в конце концов он стал все больше причащаться вином, а оттуда быстро перескочил на бурбон. А уж от бурбона до ненависти к самому себе всего несколько часов сна. А эта самая ненависть к самому себе распространилась, как это обычно происходит, на жену и детей. Однажды ночью, после восьми часов проповедей, которые ей выплевывал прямо в лицо пьяный человек божий, Сельма Хук не выдержала. Она забрала дочь, Марту-Мэри, и больше не давала о себе знать.

Ридженса она взять позабыла.

От него одни беды.

На мальчике клейма было негде ставить: сгусток ненависти с бурлящий внутри жестокостью, похожий на лайнбекера. Сельма Хук знала, что придет час расплаты, и не хотела, чтобы Марта-Мэри стала ему свидетелем.

Этот самый час наступил, наверное, полгода спустя. Шесть месяцев, как мальчик и мужчина жили одни в сколоченном из досок жалком подобии городской церкви с облупленной краской и шпилем, который был не более чем стопкой поддонов. Среди прихожан числились только бездомные, пьяницы и торчки. И даже эти бедолаги считали, что старина Джерри Хук совсем себя запустил – большую часть времени пил и гонял мальчишку за мнимые в основном несоблюдения бесконечных правил.

Казалось, Джеррольд изо дня в день все больше едет крышей по Иисусу. Он принялся внашпатель массовке «Ходячих мертвецов» в количестве дюжины или около того, обитавших у него на скамьях, ревностную веру в то, что его избрал сам Бог для чего-то суперважного.

Когда со стороны Багам резво двинулся ураган Эндрю, Джеррольд понял – вот оно.

И сказал сыну, которого это как-то не волновало: «Мы будем стоять бок о бок в храме и выстоим, пусть он будет разрушен, и тогда они узрят».

Тут Ридженс мигом запарился, потому что если он правильно понял папашину тираду, ураган они будут переживать в церкви, слепленной из фанеры и ржавых гвоздей, пока остальные к черту эвакуируются из Доджа.

«Да ну на хер», – подумал Ридженс.

И напал на отца.

По крайней мере, попытался. Ридженс был здоровяком, но Джеррольд – крупнее. Сын успел разок неплохо врезать, а потом папаша-проповедник вырубил его Библией короля Якова.

Очнулся Ридженс на алтаре. Вокруг бушевал Армагеддон, а над, собственно, алтарем стоял полоумный папаша – голый – и взывал к Господу, мол, дай мне знак.

«Знак? – подумал Ридженс. – Какой на хер знак? Кто-то тут кого-то наебывает».

И на кой ляд батя вообще жопой светит?

Все это не имело для Ридженса ни грамма смысла, однако он знал, что подступающий ураган, который выворачивал мир наизнанку, уж точно отправит их обоих на тот свет, каким бы он ни был. И если мысль о рае и могла послужить кому-то утешением, пока Эндрю распаковывал над ними церковь, раздирая ее на зубочистки, Ридженс почти мечтал, чтобы вся эта штука с раем оказалась фуфлом, просто ради последней мысли его папаши из серии: «О, черт. Я был неправ».

Новый порыв урагана Эндрю ударил по отцу и сыну, пробив пол и отправив обоих в подвал, там они и лежали, усыпанные обломками и пытавшиеся отдышаться, пока над ними бушевала ярость природы. Чудесным образом оба Хука выжили.

По крайней мере, на тот момент.

Первым пришел в себя Ридженс. Он стоял над отцом, раздумывая: «А может, папаша таки был прав. Может, Иисус нас уберег».

А потом Джеррольд Хук открыл глаза и сказал: «Ридженс. Как жаль, что тебя не забрал Господь, чтобы мое спасение стало еще более чудесным. Да и от безнадежной личности среди паствы бы избавился».

Ридженс взял обломок доски, всадил отцу в сердце, как вампиру, а потом лег рядом на земляной пол дожидаться помощи.

Именно тогда, под небом, которое рвалось на части, Ридженс усвоил, что сквозь самые большие тучи пробиваются ярчайшие лучи света – если тело готово извлечь из хаоса выгоду.

«У меня дар», – осознал Ридженс. И дар этот – не обосраться, когда весь мир в истерике. Годы позже инструктор в Ираке бросил цитату, точно уловив суть: «О, если ты спокоен, не растерян, когда теряют головы вокруг...»².

Продолжение старого английского стиха не то чтобы подходило целям Ридженса, потому что он взял нужную часть и закончил следующим образом: «Если ты спокоен, не растерян, когда теряют головы вокруг, то можно сделать большие деньги».

Но этой ночью в байу реки, когда его мощное тело сгруппировалось в шести футах под водой, а на голову летел его собственный катер, Ридженс Хук понимал, что на кону стоит не только бабло. Травмы юности преподнесли ему дар хладнокровия, которым он воспользовался, чтобы рвануть от греха подальше. Во всяком случае, от этого конкретно. В греховном меню

² Пер. С. Маршака.

той ночью была масса блюд, например, водяной щитомордник, которому Хук чуть не засадил кулаком в пасть, выбираясь на берег, или двенадцатифутовый аллигатор, ошарашенный внезапным пробуждением и жаждущий укусить чью-нибудь задницу, но слишком окосевший, чтобы поймать констебля в фокус. И, в довершение всего, когда Ридженс Хук выволок себя из вспененной жижи, он встретился нос к носу с кабаном, который, лишь взглянув на его смертоубийственное выражение лица, решил отвести красные глаза и попятиться.

Хук проламывал себе путь сквозь заросли камышей, и с каждым взмахом кулаков ярость его разгоралась все сильнее. Он бесился из-за лодки, да: вот тебе и обработал Элоди широким жестом. И он бесился из-за огневой мощи за кучу бабла, которая с ней утонула. Но пуль еще будет много, лодок тоже, в этой глуши их в избытке. Собственно, надувная лодка Уилларда Карнахана так и болталась за поворотом, и Хук поспорил бы на собственный жетон, что в ее закромах полным-полно оружия. И бутылочка Уиллардова самогона пришлась бы очень даже кстати для согрева.

Что на самом деле пошатнуло самообладание Хука, так это его собственный конфуз. Что, черт возьми, произошло? Все, что он мог предположить – это будто гранату дернули обратно за ниточку. А за его многолетний, крайне богатый опыт со снарядами такого дерьма тупо не бывало. Эта граната не связана с независимой системой управления. Куда ее человек направил, туда и летела.

До сегодняшнего дня.

Хук схватился за два кипариса и, перетаскив себя через насыпь, вылез на твердую землю.

«Как-то недостойно, – подумал он, – лежу тут на пузе, как труп к берегу прибило. И, что хуже, я тут как на ладони».

Хотя, быть честным, недостойная поза волновала его куда больше.

«Две пули в башку, вот так меня и найдут».

Поэтому Ридженс Хук поднялся, стянул с себя куртку – и, наверное, десять фунтов болотного дерьма с ней вместе.

– Ну чо, вперед, мудила! – крикнул он полупрозрачным занавесям испанского мха. – У меня есть еще что показать!

Правда: Хук был готов биться лицом к лицу. Сержант-инструктор еще в Полке однажды заметил: «Ты как тот сраный Халк, а, рядовой Хук? Чем больше на тебя лью говна, тем больше у тебя этого блеска в глазах. Одобряю, рядовой. Ты прямо машина для убийств, а, пацан?».

И Хук ответил: «Так точно, сержант. Машина для убийств, вот кто я».

Ответил он не громко, как вымуштровали. А очень тихо, как будто слова шли из самого сердца.

Сержант чуть не наложил в камуфляжные штаны и Хука больше особо не доставал.

С тем же блеском в глазах Хук больше всего на свете теперь хотел перерыть вдоль и поперек весь этот унылый остров и отловить пацана Айвори.

Но...

Но парочка взрывов могла привлечь внимание.

А пистолет несомненно забит дерьмом.

И пацан Айвори уже, вероятно, на пути к ближайшей гавани Пети-Бато, на посудине, которая его сюда принесла, ведь о том, что она проплыла мимо, Ридженс соврал.

Разумным шагом было подняться по реке на лодке Уилларда и, может, перехватить того, кто снимал его на видео. Это было самым разумным шагом.

– Будь молодцом, сержант Ридженс, – сказал он себе, подражая своему иракскому инструктору, полковнику Фараиджи. – Сохраняй спокойствие.

Хук зажмурился и сосчитал до десяти, глубоко дыша носом – расслабляющее упражнение, которому научился у шлюхи из Французского квартала. Когда он открыл глаза, внутренний убийца на время затаился.

«На время, – подумал Хук. – Но здесь что-то произошло, и я выясню это».

Глава 4

Верн часто вспоминал старые добрые времена, когда его сородичи правили приличными клоками земли с высоты своих гнезд. Драконы продолжали такую херню столетиями, господствуя над всем сущим, тогда никакой хищник не смел оспорить их превосходство. И Верн, вдобавок, был королевских кровей: наследник всего Гнездовья Хайфаэр, включая и замок, и город вокруг него, не говоря уже о пещерах с разнообразными богатствами, скрытых в катакомбах. Превосходный пакет с привилегиями экстра-класса. Но чего драконы вообще не осознавали, так это что в отсутствие материальных хищников ими становится само время. Драконы привыкли всем заправлять. Они нашли наслаждение во всем этом «шоке и трепете». Они забыли, что люди – не просто тупые овцы с большими пальцами.

Сперва драконы изнежились, затем они обленились. А вселенная не терпит лени, ведь та ведет к смертельным для видов ошибкам. Такую драконы и допустили, когда начали держать фамильяров, потому они и глазом моргнуть не успели, как люди уже не таскали бревна и выгребали драконье дерьмо, а зарабатывали на хлеб с маслом.

Бац – и фамильяры уже ведут счета и делают педикюры, становясь незаменимыми, становясь невидимыми. Драконы позволяли людям строить собственные кварталы внутри стен. Драконы трепали языками о политике и стратегии в присутствии фамильяров. И будь все проклято, если эти фамильяры за ними не записывали.

Не прошло и пяти столетий с полудюжиной неудавшихся революций, как эти хитроумные людишки встали у руля, а всякий дракон, переживший чистку, довольствовался ролью наемного бойца или околачивался во всяких негостеприимных гадюшниках.

И люди продолжали командовать парадом, поддерживая себя в форме тем, что стали хищниками друг для друга – что капец какая нездоровая штука. Разумеется, драконы время от времени устраивали им встряску, но методичной бойни не случалось. Эра людей – не что иное, как господство резни и завоеваний, насколько Верн мог судить, и именно поэтому максимум интеграции, на который он был готов – это наслаждаться людскими медиа. Иногда он фантазировал, как откроется какому-нибудь каналу и будет вести собственное шоу, но все это лишь пустые мечты. Рано или поздно все эти звезды реалити ступали на путь Хилтонов. Чтобы удержать рейтинги, ему пришлось бы отснять секс-видео, а как, черт возьми, такое вообще должно работать? Так что Верн держался особняком, отсиживался на реке и старался не думать о неизбежном дне, когда какой-нибудь зоркий мудила-церэушник заметит его на спутнике – моргнуть не успеешь, как дроны облепят по самое «не могу».

А со всеми взрывами в окрестностях тот день вполне может оказаться сегодняшним, и прежде, чем отправить мальчишку на тот свет и скинуть тело в байу, где с ним быстро справятся аллигаторы, нужно выяснить, какого черта тут происходит.

В этот самый момент мальчишка лежал в отключке на полу в укромной лачуге Верна. Бедный паршивец вряд ли ждал ночного полета. Верн чувствовал себя малость виноватым, что устроил малыцу встряску, но втайне гордился, что сумел ускориться с нужной вертикалью, чтобы человечка вырубил.

«Еще могёшь, золотце», – подумал он, натягивая обратно футболку и камуфляжные штаны.

Поразмять крылья нынче получалось нечасто – поскольку всякий отпрыск рода человеческого старше шести лет обзаводился телефоном с камерой. Пару лет назад Верн наладился «Абсолютом» и по-быстрому завернул кружок над Новым Орлеаном. Какой-то уборщик снял видео, как Верн огибал Плаза-Тауэр, и оно попало на сайт «Трибьюн». К счастью, на нем оказалось видно немногим более размытого пятна, которое могло быть огромной летающей ящери-

цей. А могло – воздушным змеем или хреновым фотошопом, так что фрагмент национальной сенсацией не стал. Верну повезло, вот и все. Однако удача не собиралась улыбаться ему вечно.

Малец слабо дернул ногой, как щенок, которому пощекотали пузико, и пробормотал «мама». Просыпался.

«Бедный говнючила, – подумал Верн. – То, что он увидит, ему не понравится».

Потому что, пусть Верн всецело намеревался порешить человеческого мальчишку, он не считал себя жестоким драконом. Он однозначно предпочел бы отправить человека на тот свет во сне, но обстоятельства требовали расспросов, а ответы мог дать только малец.

Пшик приходил в себя медленно, считая, что он в безопасности, у себя в койке, в соседней комнате матушка, а в холодосе, может, бутылочка апельсиновой газировки. Но явственное ощущение жестких досок под лопатками и тяжесть вымокшей в грязи одежды поставили крест на этой мысли, так что мальчик открыл глаза и увидел то, что на первый взгляд выглядело как мутант-крокодил на задних лапах и в человеческой одежде.

Пшик пребывал в том особом возрасте, когда ты достаточно юн, чтобы поверить глазам, и достаточно повзрослел, чтобы не совсем обалдеть. Еще шесть недель – и рухнул бы прямиком в коматоз. Но как бы там ни было, он дал задний ход в угол хижины и как следует рассмотрел существо.

Какая-то рептилия, тут никаких сомнений – судя по шкуре а-ля болотный аллигатор. Черная, блестящая, с линиями гребней, а вот морда короче и пара клыков торчит из нижней челюсти, чего Пшик никогда у аллигаторов не видел. А еще крылья, и вообще стояло это существо на задних лапах. А еще хвост, короткий и толстый, со стрелкой на конце. А еще мелочь в виде футболки, которую рептилия надела, с «Флэшдэнсом» и легендарным силуэтом танцовщицы на стуле.

Пока Пшик разглядывал существо, а существо разглядывало его, парнишку вдруг посетила мысль, что существо вполне могло достаточно проголодаться, чтобы его съесть.

– Стоять, – произнес он как можно строже.

Ваксмен однажды ему объяснил, что животным нужно четко внушить, кто тут батя.

– Бля, пацан, – ругнулось существо, вытаскивая из холодильника в углу полупустую бутылку «Абсолюта». – Я тебе не псина сраная. Я – то, что называют сверххищником. Слышал вообще термин?

Говорящая рептилия? Можно было подумать, что мальчишка оцепенеет, но Пшик услышал свой ответ:

– Нет, сэр, никогда такой не слышал.

Существо хлебнуло водки, потом рассмеялось. Прозвучало совсем по-человечески, только сипло.

– Сэр? Пять секунд назад я был псиной. Теперь я сэр. Шустро меняешь тактику, а, пацан?

– Если этого требует ситуация, – отрапортовал Пшик, надеясь, что смех рептилии был искренним и добродушным, означающим, что есть тут никого не будут.

– Язык у тебя подвешен, – отозвался рептилоид и, сунув руку в карман шорт, достал пачку «Мальборо». – Куришь?

Пшик помотал головой. Это было правдой, однако он вдобавок сообразил, что разумная тактика: притвориться невинным ребенком. Такого убить с чистой совестью сложнее. Если у этой штуки вообще была совесть.

– Мудрое решение, – заметил рептилоид. Он поднял сигарету и, как будто между делом, выдул из ноздри искру. – И мне не стоит. С тем, как у меня нутро устроено, только на беду нарываться. Как прикуривать на заправке.

Пшик понимал, что лучше б ему захлопнуть рот, но просто обязан был узнать.

– Сэр, а ничего если я спрошу, что вы такое?

Семифутовая рептилия опустилась в потертое кресло и дернула вверх подножку.

– Что я? Думаю, я незаконный иммигрант, вот что. Слыхал о нас, а? Страну захватываем.

Пшик видел массу роликов о нелегалах по телику. Этот мужик совершенно не был на них похож.

– Вы надо мной смеетесь, сэр?

Рептилоид выдохнул дым в железную крышу.

– Ага. Наверное. Я тут оказался задолго до ваших. Судя поговору, я б сказал, каджун, верно?

– Верно. А еще техасский ирландец, говорит матушка.

– Каджун и техасский ирландец, – повторил рептилоид с крайне зубастой усмешкой. – Взрывоопасная смесь.

Пшик знал слово «взрывоопасный». После эпизода с динамитом Ридженс Хук часто его припоминал.

– Взрывоопасная. Вы типа дракон, мистер?

Рептилоид выпустил из ноздри несколько соединенных друг с другом колечек дыма.

– Ага, наверное, «дракон» – самое подходящее слово.

Пшик вспомнил историю, которую им рассказывала мисс Ингрэм.

– Как тот из Англии? Которого проткнул святой Георгий?

Дракон бросил острый взгляд вращающихся крокодильих глаз на дрожащего бедолагу-человечка в углу.

– И близко не как тот. Я его знал, впрочем – великовозрастный полудурок по имени Гудмундер, который пошел бродить по лесу, болтая причиндалами как люлькой. По большей части пьяный в хламину. Нарвался на охотника. Обдолбался опиумом, неделю носился по окрестностям, разорял и грабил, потом вырубился в деревне. – Дракон покачал головой, по челюстям запрыгали искры. – А люди в такую херню не играют. Разве что между собой. В общем, Гудмундер был мудаком. Сам напросился, чтобы пырнули.

– А вы не такой, да?

Дракон подмигнул.

– Ну я же тут, верно? Последний, насколько мне известно. Живу тут на болотах сам с собой. Услугу вам, господа, оказываю. Без меня поголовье кабанов уже разошлось бы всюю.

– Спасибо, сэр, – отозвался Пшик.

– Зови меня Верн, – сказал дракон.

– Так точно, мистер Верн.

Пшик поколебался, прежде чем выдать, что думает, а потом решил: «Пофиг, будет обидно умереть и не узнать».

– Если позволите, – произнес мальчик, – но «Верн» вроде как не особо подходит дракону, в смысле как имя.

– Виверн. Это древнеанглийский, как говорят. Сократил, когда прибыл сюда еще до войны.

– Буря в пустыне? – спросил Пшик, изо всех сил поддерживавший беседу, чтобы оттянуть момент неизбежной расплаты.

Верн снова рассмеялся.

– Нет, малец, в этой стране. Гражданская война, и я сейчас не про Капитана Америку. Буря в пустыне. Бля.

Пшик был малость поражен, как ему вновь пригодились учение мисс Ингрэм, дай ей бог здоровья.

– Гражданская война? Это ж вроде лет сто пятьдесят назад.

– Ага, – отозвался Верн. – Новый Орлеан был в самой гуще событий. Для перевозки золота конфедераты даже построили парочку субмарин. Одной приспичило за мной гоняться,

так что пришлось потопить ублюдину. Весь экипаж погиб. Золото утрачено, насколько всем известно.

Дракон снова подмигнул, словно раскрывал Пшику тайну, и мальчик искренне пожалел, что Верн так охотно делится откровениями. Как будто ему плевать, что Пшик знает, ведь долго знать это ему все равно не придется.

– Понимаю, наверное, – сказал Пшик. – Слухи.

– Смекаешь, малец. Они топят корабли. И под «кораблями» я имею в виду эту развалину. Так что в интересах этой развалины я должен задать парочку вопросов, и настоятельно рекомендую хорошенько пораскинуть мозгами над ответами, потому что брехни я не потерплю, а ее, кстати о птичках, я нюхом чую.

– Так точно, – согласился Пшик, думая, что тут Верн и сам немного прибрехивает. – Помогу всем, что знаю, можете на меня положиться.

– Хороший настрой, малец, – одобрил дракон. – Так, вопрос первый. Мне позарез нужно узнать, что это были за взрывы. Старину Верна кто-то ищет?

– Нет, сэр, – поспешно ответил Пшик. – Это была типа размолвка между Уиллардом Карнаханом и полицией. Сделка провалилась.

– Глубоко провалилась, – согласился Верн, – и ты провалился бы куда глубже, малец, если б я не отбил ту гранату назад.

– Спасибо за это, мистер, – продолжил играть в вежливость Пшик.

– Не благодари, мальчик. Я просто хотел вырубить гвалт.

– Благодарю все равно. Искренне. Мне как пить дать была крышка.

Верн фыркнул искрами.

– Ну, не говори гоп, малец. И вообще, какого черта ты делал в тех зарослях? Такой парнишка, на болотах, посреди ночи?

Пшик прикинул, что в правде нет ничего дурного, и продолжил отвечать на вопросы дракона.

– Коп... констебль Хук... у него виды на меня и мою матушку. Разные виды, соответственно, как понимаете. Я пытался нарыть немного компромата, ну, может, чтобы он отвалил.

– Отвалил? – переспросил Верн и едко хохотнул. – Ты серьезно недооценил этого кадра. Такие не отваливают. Они набирают обороты. Коп с гранатометом? Пушка-то явно не табельная.

– Он плохой человек, – произнес Пшик. – Хуже, чем я думал, наверное.

Верн уставился на огонек сигареты, переваривая сведения.

– Уиллард Карнахан. Я его знаю. Гоняет по Перл контрабанду?

– Так точно. Лучший штурман на реке. Должен был стать моим боссом.

– И у этого Хука терки с Карнаханом?

– В некотором роде, – ответил Пшик. – Не уверен, какие. Теперь все кончено, Уиллард пошел на корм рыбам.

– И ты сунул свой надоедливый нос меж двух огней?

– Облажался, видать.

Верн крепко задумался. Новости, несомненно, плохие, но не катастрофические. Может, ему даже не придется срываться с места, а достаточно приглядывать за развитием событий. Вряд ли кто-то начнет войны за передел болот. Такие дела обычно решали в застройках. И, может, раз Уиллард ушел под воду вместе с лодкой копа, вся эта история уже на дне.

Но малец его видел, знает, кто он такой, и это досадно.

Верн попытался придумать иной выход, но его, как он полагал, просто не существовало. «Никогда не верь человеку».

Верн вздохнул.

– Прости за то, что будет дальше, малец, но я последний из своего вида, и ты наверняка понимаешь, почему я должен так поступить, верно?

Что будет дальше, Пшик знал наверняка.

– Не нужно беспокоиться насчет меня, мистер. Я не стукач. Черт, да я держу язык за зубами с тех пор, как родился.

Дракон перекатил сигарету в чешуйчатых пальцах.

– А мне сдается, малец, все наоборот.

– Мое имя – Эверетт Моро. Все зовут меня Пшиком из-за косяка с динамитом пару лет назад. – Пшик поднял увечную руку как доказательство и пошевелил обрубком мизинца.

Верн выбросил сигарету в щель между досок.

– Неплохо, Пшик. Очень даже. Столько информации вложил в пару предложений? Делаешь себя в моих глазах личностью. Как будто прочитал текст по психологии. Но моя игра – это самосохранение, малец, и я играю в нее уже очень давно. Очень. И знаешь, какое здесь правило номер один?

Пшик не знал, не хотел знать, но должен был спросить.

– Какое здесь правило номер один, Верн?

Дракон вскочил и выпрямился во весь рост. Футболка с «Флэшдэнсом» туго натянулась на внушительной груди; за клыками заплескали синие огоньки.

– Правило номер один, малец: человек сюда приходит – и больше отсюда не выходит. Как на «Тандердоме», только никого не выпускают.

Верн выпустил коготь на указательном пальце, а потом обдал пламенем из носа, пока тот не засветился белым.

– Обещаю, малец, будет по-быстрому.

«Пламя из носа, – подумал Пшик, впадая в шок. – Круть».

И после: «Черт, а я ведь ни разу не целовался с девчонкой».

А потом из пола полезли аллигаторы.

Пшику казалось, что на данном этапе его уже ничто не способно удивить, однако прорыв клыкастых пастей и жилистых тел в комнату резво поменял его мнение. Оцепенение спало, и вместо него вернулся страх, который Пшик подавлял. Страх, который рванул от коленей и обосновался в животе, стягивая нутро, словно мокрая веревка.

Видеть, как болото вот так приходит в гости, было невероятно. Как будто мир встал с ног на голову. Что-то в таком наплыве рептилий казалось даже более неправильным, чем встреча с драконом по имени Верн.

Эти аллигаторы были сплоченными – вот что. У них были, что называется, коллективные намерения.

– Херасе, – произнес Пшик. – Ох господи иже еси.

– Спокуха, мелкий, – отозвался дракон, который еще мгновение назад был на грани его убийства. – Болотные разборки, всего-то.

Аллигаторы собрались в одном углу, шелкая пастьями, извиваясь, издавая странное трескучее рычание. Они били по обшивке лачуги хвостами, топали коренастыми лапами, разбивая доски пола. В глазах горела жажда убивать.

Верн не то чтобы чересчур обеспокоился.

– Да ладно вам, ребята, – сказал он. – Это мой дом. Вы ломаете холостяцкую берлогу. Личное пространство, все дела?

Один аллигатор, огромный самец – пятнадцать, может, футов в длину и три в плечах, – вышел из стаи вперед, мотая башкой из стороны в сторону.

– Серьезно, Кнопка? – поинтересовался Верн. – Вот нужно тебе прямо сейчас?

Кнопка, которому Верн дал весьма ироничное имя, ведь зверь определенно не был ни маленьким, ни миленьким, зашипел, и светлый горловой мешок под его челюстью задергался. Чего бы он ни хотел, по всей видимости, сделать это нужно было действительно прямо сейчас.

– Ну брось, мужик, – продолжил Верн. – У меня гости вообще-то. И допрос в самом разгаре.

Аллигатор, который не понимал его слова, да и плевать на них хотел, если бы понял, опустил тупоносую морду и молниеносно подскочил ближе, зубодробительно щелкая челюстями.

– Да ла-а-адно, – отозвался Верн, ни на грамм не впечатленный.

Он бился один на один с морским змеем в России. А этот парнишка по сравнению с арктической рептилией – вообще мелочь.

Он мог бы поджарить тупого здоровяка, проще некуда, но группе поддержки конкурента было нужно преподать урок на доступном им языке, так что Верн остановил выбор на быстром и жестком показательном выступлении. Он с силой наступил аллигатору на шею так, что конкурент наполовину провалился сквозь гнилые доски. Потом грохнул бутылку водки о гребни морды аллигатора и наделал кучу шума.

Верн поджег алкоголь, пыхнув искрой из ноздри, и вся голова зверя вдруг вспыхнула огнем.

– Вот так-то, аллигаторы, – произнес Верн. – Ваша великая зеленая надежда весь в огне.

А потом он как будто безо всяких усилий поднял конкурента в воздух и вышвырнул наружу через окно.

«Потянул гребаную спину», – подумал Верн, но не подал виду.

– Посмотри на меня, малец, – бросил он через плечо. – Высший воин. Сраный Хищник. Собственно говоря, я этому Хищнику вломил бы до Земли в иллюминаторе.

Остальные аллигаторы не могли покинуть помещение достаточно быстро. Они ринулись сквозь дыры в кипарисовых досках, карабкаясь друг на друга в стремлении убраться подальше от могущественного дракона.

Верн бы рассмеялся, если бы не устал от драк на сегодня. Впрочем, удирающие аллигаторы определенно выглядели забавно. Так и не овладели этим навыком.

Верн вновь сосредоточился на пацане.

«Еще одно тупое животное, с которым надо разобраться».

– Хочешь помолиться, Пшик? Или не ждать и покончим с делом?

Малец не ответил, потому что, разумеется, как только Верн отвернулся, он выбрался в окно.

«Умный пацан, – подумал Верн. И потом: – У старины Виверна могут назреть проблемки с планами на пенсию».

Придется принять меры.

Глава 5

Пшик нырнул в реку, абсолютно положив на то, кто там шныряет под поверхностью. Явно не аллигаторы, эти в радиусе мили не покажутся после того, как Верн явил им гнев дракона.

И даже если в окрестностях все-таки задержался какой-нибудь аллигатор-дегенерат, Пшик скорее предпочтет испытать судьбу против этой ящерицы, а не огромного мифологического существа, ожившего почему-то в Луизиане.

На подходе к байу Пшик нахлебался речной воды, но это ничего; она не попала в дыхалку. Пшик отплевался, а потом рванул к Хани-Айленду на всех парах паники. Не то чтобы такое плавание было особенно результативным – на самом деле, с тем, как он молотил конечностями, оно было откровенно опасным, – однако Пшик перешел в режим полета, и любые осмысленные рассуждения, какие вообще могли только прийти ему в голову, унесло вместе с ним в окно.

К Хани-Айленду Пшика вел, словно маяк, голубой огонек на задней части лодки Хука, которая, не успев затонуть полностью, еще торчала из болотной воды. До светлого неба было пока далеко, но в черноту уже закралась капля синевы, и луна потихоньку собиралась валить, так что где-то в глубине Пшикова мозга промелькнула мысль, что без сознания он пробыл по меньшей мере пару часов.

Болотная лягушка-бык размером с ананас, квакая, выпрыгнула из темноты и отвесила Пшику нехилую затрещину, вызвав у бедняги новую вспышку паники, ибо он тотчас решил, что дракон заключил с лягушками соглашение и они ему прислуживают. Однако земноводное перепугалось не меньше самого Пшика и ушло брассом вниз по реке, забив на мальчика.

«Ладно, хоть лягухи за мной не охотятся», – подумал Пшик первый и последний раз в жизни. Носок его «конверса» прочертил борозду по дну, и Пшик чуть не заорал от облегчения – наконец можно выбраться из болота. Сперва он прикинул, что если иметь дело с драконами, то лучше держаться под водой – в связи с огнем, – но потом передумал: тому аллигатору влажность ни фига не помогла.

«Верн. Дракон сам сказал, что его зовут Верн. Что это вообще за имя для сверххищника?»

Очуметь.

Вся эта ночь была в книге его жизни страницей безумия.

Пшик нашел в насыпи нишу и втащил себя на Хани-Айленд, едва не парализованный томительным ужасом и весом болотной грязи, облепившей всю одежду до нитки.

«Можно остаться тут, – подумал он, – и пусть водоросли пустят корни. Стать растением. Драконы ведь не едят растения, правда?»

С другой стороны, Верн, как Пшику казалось, мог съесть все, что ему заблагорассудится.

А еще, если он исчезнет, матушка сойдет с ума от беспокойства, и после всего, что она прошла с его настоящим папашей и потом с ненастоящим, и теперь, когда ее преследует Ридженс Хук, Пшик ненавидел огорчать матушку. У нее бывало два вида огорченного лица. Первый матушка использовала, когда Пшик рядом – напряженный, сдержанный, с внезапными прерывистыми вздохами, словно она боялась расслабить желваки надолго и не удержать себя в руках. А второе она выпускала, когда думала, что никто не видит. И оно всякий раз било прямо в сердце. Элоди ложилась щекой на стол и рыдала так, словно на свете нет большей печали. Она плакала, пока вокруг не растекалась лужа слез, громко, как несчастная кошка. Пшик правда очень ненавидел этот звук – и не любил быть его причиной.

Временами то, что он огорчал Элоди Моро, расстраивало Пшика настолько, что он, вместо присущих ему нечистых побуждений, почти становился на путь добродетели.

Почти.

Пшик обнаружил, что его пирога на самом деле никуда не уплыла, но застряла в камышах. Вытягивая ее, Пшик с каждым рывком костерил Хука. С двигателем пришлось повозиться чуть больше – на винт намотался хлам, судя по всему, со всего болота.

Небо уже стало синевато-серым, и Пшик, сидя на корточках и дергая двигатель, превратился в отличную, мать его, мишень. Он видел в воде свое отражение, а раз он его видел, то само собой разумеется, что и самого его тоже кто-нибудь запросто увидит.

Кто-нибудь... или что-нибудь.

Стремно – вот, каково было Пшику. Он вскидывал голову на каждый шорох, как олень у водопоя.

«Пора убираться», – подумал он.

Пшик толкнул свою лодку, запрыгнул в нее и, несмотря на остаток забившихся водорослей, дернул шнур – что без сомнения было плохо для мотора, но времена нынче исключительные: Ридженс Хук, возможно, давно свалил, но на хвосте скорее всего висит чудовище.

Мотор – надежный «Свомп Раннер», собранный из набора деталей – оправдал репутацию, с визгом ожив и нарезав растительность. Звук разнесся во все стороны, но сейчас Пшик ничего не мог с этим поделать. Из двух зол он, вроде бы, выбрал меньшее.

– За мной гонится дьявол, – произнес Пшик, поддавая газу. Не то чтобы мотор в его распоряжении смог бы обогнать особенно целеустремленную стрекозу, не говоря уже о драконе, но ощущение воды, плещущей в фанерные бока пироги, несколько приободрило.

Путь на север занимал не более десяти минут, однако Пшику казалось, что он гнал все утро. Он прикинул, что дракон вряд ли захочет щеголять чешуйчатой тушей перед туристами, рыбаками и охотниками, любившими выбраться на реку с утра пораньше. Чудовищу вроде Верна не выжить, прогуливаясь по населенной местности, даже просто затариваясь там водкой.

Если, конечно, на него не наткнется какой-нибудь языкастый пацан.

Точно, если не вот это обстоятельство.

Перл текла, полноводная и ленивая, вниз к заливу, а лодка Пшика неслась по ее глади, словно пальмовая ветвь на ветру, даже против течения. Идеальная конструкция. Детишки нынче предпочитали стеклопластик; даже местные не стали бы напрягаться и выстругивать пирогу. Однако Ваксмен свято верил в деревянное судно, и сейчас Пшик был рад, что последовал совету древней сволочи. Все, что пироге нужно – шлепок по заднице от крошечного двигателя, и она летела изящней копы.

Пшик пригибаясь, вроде так его меньше видно сверху, плыл в тени кипарисов, пока не наткнулся на небольшое рассветное движение транспорта. Двое ребят постарше помахали Пшику из своих лодок, и его пульс подскочил на пару десятков ударов в минуту.

«Может, дракон меня даже не узнает, – подумал он, в общем-то, ничуть не обманывая себя. – На реке тусуется полно темноволосых пацанов».

«Так свали со сраной реки, мудак ты эдакий, – заговорил с ним внутренний голос. – Пусть лихо станет тихо».

Стоит заметить, иногда внутренний голос Пшика был разумней его самого.

Пшик убрался с реки, что нельзя было назвать проявлением тактической гениальности. Дом семьи Моро располагался в ответвлении основного байу. По правде, это была всего лишь лачуга на сваях с квадратом настила, покрытого пятнами тысячи выпотрошенных предыдущими жильцами раков. Деревянная обшивка, вероятно, еще где-то в прошлом столетии была алой, но теперь стала розовой и облупилась, как кожа туриста после дня под солнцем Луизианы. Единственным насыщенно-красным пятном был свежий прямоугольник, которым домовладелец закрасил флаг конфедератов; тот почему-то игнорировал попытки навеки скрыть его синий крест, и раз в год работу приходилось переделывать.

«Чертова проклятая дрянь, – говорил Боди Ирвин. – Южане, видать, никогда не угомонятся».

Пшик подтолкнул ручку ладонью и, направив свое судно параллельно пристани, затормозил.

«Да, так себе, но это дом», – подумал он.

И даже такого бы не досталось, если бы не милость Боди Ирвина, вышеупомянутого борца с флагом, который был влюблен в Элоди еще с выпускного или даже раньше и который был готов закрыть глаза на неполную оплату аренды в обмен на то, что ее сын пару смен в неделю таскал ящики с пивом в его баре.

Хорошая сделка, если спросить Пшика. Вдобавок ко всему, Боди так долго откладывал, что вряд ли уже когда-нибудь пригласит его матушку на свидание. А это Пшика полностью устраивало – по крайней мере, раньше. Пшик подходил к тому возрасту, когда появляющийся разум заставлял его рассматривать Элоди не просто как маму, но и как отдельную личность. Ваксмен, во время очередной заунывной лекции, приписал выводы Пшика некоему «росту его суперэго», и мальчишка на мгновение подумал, что это у него просыпаются суперсилы.

Но откуда бы ни исходила его новообретенная сознательность, она подсказала ему приглядеться к матушке. Элоди была для него красивой, это он знал. Матушка все время рассказывала своим подругам-медсестрам, как ее сынок Эверетт постоянно звал ее замуж.

«Когда вырасту, я на тебе женюсь, мам».

Тогда он действительно так считал. Теперь, спустя несколько лет после той фазы, Пшик увидел, что с его личным мнением о красоте матушки согласны и все остальные. И это только глазурь на пончике: его матушка была нежной и внутри; ночами она заботилась о больном народе, а днями беспокоилась о Пшике. Она редко тратила на себя хоть грош, сама стригла волосы и себе, и Пшику. Может, раз в неделю Элоди мягко отказывала какому-нибудь парню, и дело с концом – ну, кроме Хука; констебль получил решительный отказ, что заставило его клеиться еще настойчивее.

«Вот бы Боди все-таки подкатил», – мечтал Пшик, особенно зная то, что он теперь знал о констебле Хуке.

Однако Ваксмен заверял, что владелец бара никогда не пригласит Элоди на свидание: «Парниша слишком, черт возьми, уродливый. Твоя мать – объективно девятка, а Боди, ну, выше трешки не запрыгнет даже со стремянкой и после пластики».

Что звучало, если спросить Пшика, чуть менее философским рассуждением, чем привычные нотации Ваксмена.

Пшик привязал свое судно к латунному кольцу, которое пару лет назад попало к нему в сеть. Стоило его продать, но кольцо стало для Пшика чем-то вроде талисмана. Люди вечно ищут, где б привязаться поудачнее.

«А вот и Пшик-большая-шишка-Моро с большим блестящим латунным кольцом, прикрепленным к его пристани».

Что-то же это должно значить? «Благоприятное» – вот было слово, если верить мисс Ингрэм.

Но «пристань»?

Серьезно?

Скорее поваленный забор, говоря откровенно.

Потереть кольцо запястьем в завершение дня стало для Пшика традицией. И он совершил ритуал и сейчас, запачкав латунь грязной рукой.

– Пока живой, и слава богу, – буркнул Пшик и прошмыгнул по настилу, избегая скрипучих мест на случай, если каким-то чудом его матушка решила не заглядывать к нему, закончив ставить прививки от столбняка пьяницами в клинике Пети-Бато.

Как большинство непослушных сыновей, Пшик давно разработал тайный а-ля ниндзя способ забраться в дом. Он мысленно называл его своим «окном возможностей», что иногда смешило его прямо в ходе самого маневра и вообще-то портило желаемый эффект.

В этот великий день было не до смеха. Сегодня за Пшиком вели охоту два самых опасных существа из всех, с кем ему приходилось сталкиваться – и наверняка с кем придется столкнуться в будущем.

«Если я не проснусь, это явно один из двух ублюдков постарался».

Так вот, метод ниндзя: последовательность Пшика включала одну точку опоры на баллоне газа, вторую на изгибе старого якоря, который приладил на стену какой-то жилец-мореход, потом хват обеими руками за подоконник и наконец подобие гимнастического подъема с переворотом сквозь москитную сетку, закрепленную только верхним краем. Выполненный верно, сей небольшой алгоритм юного грабителя определял Пшика ровненько на его собственную койку.

Даже в столь обалделом состоянии Пшик легко мог провернуть такую штуку – раз, два, три и внутрь. Хоть с закрытыми глазами, хоть во сне. Но тут, уже в воздухе и без возможности прервать маневр, Пшик услышал голос, раздавшийся в комнате, которую матушка назвала гостиной, и принадлежал этот голос не матушке.

А Ридженсу Хуку.

И этот голос говорил:

– Змея укусила.

«Н-да, не навозная ли это глазурь на всем говнотортике?» – подумал Пшик Моро, прежде чем с глухим стуком приземлиться на кровать.

«Лучше б я, конечно, обошелся без стука», – подумал он тогда.

Стук для органов правопорядка – что кошацья мята. Не могут не разнюхать. А тут, здравствуйте, Пшик Моро, умащенный таким количеством дерьма, которое только можно навалить на пятнадцатилетку; как тот, кто ни дать ни взять только что выполз из болота.

Как тот, кого ищет Хук.

Ридженс Хук чувствовал себя дерьмово – не прибавить, не отнять, так что он забил на стратегии в принципе и, взяв надувную лодку Карнахана, погнал вверх по реке на всех парах – то есть чертовски быстро, спасибо сотне или около лошадиных сил, прикрепленных к корме. Хуку лодка казалась ерундовой, а вот Карнахан бесконечно пел ей дифирамбы.

«Это жэ-эн-эл, констебль, – объяснял он. – Жестко-корпусная надувная лодка. Да эту малышку сам Посейдон бы не перевернул. Могу рассредоточить по ней тонну товара и все равно давать максимум узлов. Спецзаказ из Канады. Отправили поездом. Каково, а?»

Расфуфыренная динги, если спросить Хука, однако ему пришлось признать, что шла она как по маслу. Заводилась с полпинка и в охотку отзывалась на касание, не иначе симулировала.

«Как та парочка из клуба Айвори, которые сосутся, будто им в жизни лучше не бывало».

Та еще ночка выдалась.

Та еще.

Не то что эта. Хук понимал, что нужно найти тихий угол и со знанием дела разобраться, что, черт возьми, навлекло это цунами дерьма ему на голову.

«Разберу этот вечер на части, как двигатель, прикину, где не складывается».

Но всё по плану.

И первым в этом самом плане было загнать чудо-лодку под крышу.

– Я тебя под нож пушу, – пообещал он лодке. – На ленточки порежу.

Имело смысл: криминалистика нынче продвинутая, плюс любой кадр отсюда и до Слайделла знал, кому эта лодка принадлежит.

Но Хук столкнулся с прозаическим препятствием – солнце уже продиралось сквозь испанский мох, и совсем скоро он станет здоровяком на ярко-оранжевой надувной лодке посреди водной глади.

«Шериф в ежевечерний запой уйти не успеет, как я сидеть буду».

Так что единственным его вариантом было добраться до станции, пришвартоваться у ангара, а потом не спеша разделать лодку.

«Кроме движков. Этих близняшек можно толкнуть за три штуки».

Хукова стоянка располагалась в слепом углу лодочной станции Пети-Бато, которой, как почти всем в этом городе, владел местный воротила-ушлепок, Боди Ирвин. Хук арендовал у Ирвина дальний ангар и установил туда собственные камеры с датчиками движения, которые мог проверять прямо с телефона.

– Да чтоб мне яйца прищемило! – выругался Хук. Теперь надо достать новый телефон и заново настроить все барахло. А у него, наверное, с двадцать сраных паролей и никакой нигде не записан.

«Надо было взять один из тех чехлов, – подумал он. – Пять баксов, и телефон лежал бы в водонепроницаемом конверте целехонький».

Ну, пролитое молоко и так далее. Этот телефонный мост лучше пересечь, когда встанет вопрос.

Хук подплыл к станции чуть медленнее обычного. В этих краях мужик не булькал мотором со скоростью черепахи, дудки! На подходе к пристани мужик предпочитал пропахать в болотной воде борозду, малость похвалившись мастерством управления. Местные больше всего на свете обожали сидеть на террасе бара и хохотать до усёру над тем, как лопухи-туристы крутятся по байу в арендованных аэроглиссерах, как сраные фрисби. Оказаться в той же категории Хуку не хотелось. Может, он и не местный, но сам тоже родился на болотах и знал, как поддать выхлопа, на какую посудину бы его ни потрудились забросить.

Но, правда, не этим утром. Сегодня Хук довольствовался плавным заходом, без лишней суеты. Он не хотел, чтобы народ отрывал взоры от кружек с кофе, гадая, что же так низко гудит большими подвесными движками, или опозориться, оцарапав планшири незнакомого судна. Так что – тише едешь и все дела.

Ангаром звался простой причал со стенами, не более. На них висело немного инструментов и снастей, в углу треугольником встроились железные бочки. Может, нефть, может, ядерные отходы, почем знать? Довольно заурядная берлога для констебля с какой бы там ни было ставкой, которую могло ему платить управление крошечного городка. Хук радовался, что пригнал на позицию собственный «Шевроле Тахо», иначе ему б навязали городскую эко-«хонду». Кто, черт возьми, способен поддерживать хоть какой авторитет, разъезжая в электрической «хонде»? Салоном владел мэр, и в этом заключалась проблемка. Мэр порядком злился, что Хук не стал колесить по городу в его клейменном гольф-багги, однако Ридженс полагал, что не найдет ни одного контрабандиста, которому было б откровенно не насрать, когда какой-то понаехавший тормознет рядом в машине с розеткой. Это ж посмешище. Потому Ридженс гнул ту линию, что собственной тачкой экономит городу деньги. Оспорить это было сложно.

Хук пришвартовался и обнаружил, насколько ослабел – на пристань ему пришлось выкачиваться.

– Что за черт? – пробормотал он. Куда это делась вся его силища?

А потом увидел опухшие костяшки и понял: «Бля, змея укусила».

За остальными ссадинами и общим безумием он этого даже не заметил. Зато сейчас вспомнил щитомордника, которому двинул.

«Видать, так просто, как думал, я не отделался».

Ну, по крайней мере, врезал он не специально. Помереть последним кретином было бы обидно.

Как приходскому констеблю, а до того патрульному офицеру прихода Сент-Таммани, Ридженсу пришлось проходить не один, а два курса первой помощи; он попытался вспомнить особенности при различных обстоятельствах, но рассудок помутился, в нем оставалось только следующее: «За помощью. Во весь опор».

Прямо здесь не было никакого противоядия. Хук все собирался, и собирался, и так без конца, но в любом случае, клиника была в парочке миль отсюда.

«Под каждым банановым листом сидят тарантулы, а у тебя противоядия ни хрена нет».

«В тачилу, – сказал он себе, – и ты что-нибудь придумаешь».

Невероятно оптимистичный план, однако Ридженс был под действием яда, и прежде стадии угнетенности шел именно оптимизм.

«Всё будет в порядке», – подумал констебль, хотя, на самом деле, происходящее свидетельствовало об обратном.

Пикап Хука кое-как вырулил к дому Элоди Моро. Он располагался в полумиле, не больше, вниз по разъезженной, обрамленной соснами дороге – деревянная хибара с жестяной крышей; народ с более северным мировоззрением вообще с трудом верил, что такие еще сохранились со времен Гражданской войны. Хибара эта стояла одинокая, омываемая грязными водами и окруженная смерчем из стрекоз.

Констебль, должно быть, на мгновение вырубился за рулем, но его пробудила адская пульсирующая боль в костяшках, и он с неудовольствием и тревогой увидел, что правая рука раздулась до размеров бейсбольной перчатки. Хук потыкал раздутую руку пальцем. Кожа оказалась натянута, как воздушный шар, и наполнилась электричеством.

«Шутки кончились, Ридженс, мой мальчик, – сказал себе констебль. – Противоядие найдется у Элоди. Она ж медсестра, так что верняк?»

Ослиное упрямство вытащило Хука из пикапа на крыльцо, и он взобрался по ступенькам, опираясь на собственный лоб и прижимая больную руку к животу.

Показываться на глаза Элоди Моро вот так, в столь унижительном виде, было ужасно неприятно. Элоди Моро – единственная женщина, с которой он мог провести сколько угодно времени, не прибегая к насилию. Она примчалась в окружную больницу, когда ее кретин-сынот оттяпал себе палец, и чуть не задушила пацана любовью. Хук еще никогда не видел столь зашкаливающих в своей откровенности чувств на людях, тогда это вызвало у него неприязнь. Но потом он изменил мнение и оказался... тронут, что ли. А в последний раз Ридженс Хук был тронут ажно никогда, так что он положил на Элоди Моро глаз и поклялся, что сперва попытается добиться ее честными способами. Ну где-то с полгодика.

«Честные способы», о которых он думал, не предполагали его явления с коркой из грязи и змеиным укусом, но куй железо, пока горячо, и тэ дэ.

«Только у меня ни куя, – подумал Хук. – Даже, мать его, лимона нет».

И еще:

«Бля. Надо б в дверь, это самое, постучать».

Как выяснилось, Хук уже достаточно настучал головой по двери, потому как она открылась и перед его глазами возникли кроксы Элоди Моро. Из этих кроксов торчали спортивные носки, их вид вызвал у Хука флэшбек с воспоминанием из старшей школы, и он выдал:

– Джессика Милтон носила спортивные носки. Подглядывал за Джесси через дырку в стене душевой. Тошная задница, огромные сиськи. Редкое сочетание.

Не то, с чего он бы начал разговор при обычных обстоятельствах, но к его счастью, Элоди заметила раздутую руку и мигом поняла, что происходит. Она помогла констеблю пройти в дом, попутно перепачкавшись грязью сама.

– Господи боже, констебль, – произнесла она, – у вас как с головой? Бродить с таким укусом?

– Укус, – согласился Хук, падая в единственное кресло. – Змеиный.

В задней комнате что-то стукнуло.

– Стук, – сказал Хук. – Стук?

Элоди с трудом взгромоздила его ноги на кофейный столик.

– Эверетт свалился из кровати. Дерется во сне с аллигатором или еще с кем.

«Эверетт? – подумал Хук. – Пшик?»

Что-то насчет мальчишки его настораживало, но размышлять сейчас не получалось, потому что сквозь туннель, открывшийся на потолке, к нему пришли кошмары. В этих кошмарах его отец вскинул пылающее распятие, словно шприц, и сказал:

– Надо только ввести сыворотку. Она выведет из тела весь яд.

И Хук подумал: «Придется тебе найти распятие побольше».

Верн поднялся в небо, что в последнее время делал редко – из-за назойливых людишек и систем наблюдения. Эти прикованные к земле мудаки некогда умудрились извести без малого всех драконов, не имея при себе ничего, кроме арбалетов и злобных намерений, так что Верн не ободрялся на предмет того, как быстро они завершат начатое, если дать им без помех прицелиться. По сути дела, со всеми нынешними технологиями, даже целиться-то особо не придется. Капитан Солдафон потратит секунду и пометит Верна лазером, а потом за ним вечность будет гоняться ракета «земля-воздух».

«Ну, значит в заплыв, Хайфаэр. Затаись».

«Нет, на заплыв нет времени. Время летит, значит, должен и ты».

Теперь Верн больше не наслаждался полетом как раньше, особенно на рассвете, потому что дракон никогда не знает, не воткнется ли боеголовка ему куда поглубже. Верн не сомневался, что детонацию он не переживет.

«Черт, да я вряд ли переживу и приличного размера бронебойный патрон», – мрачно подумал он.

И все-таки, из хорошего, река в рассветных лучах напоминала о славном времени, когда он протаранил ту субмарину. В тот вечер вода стала красной.

«Счастливые деньки», – подумал Верн и широко раскинул крылья, чтобы поймать восходящие потоки.

Ситуация из серии «Уловки-22»: расправить крылья и стать целью покрупнее – или хлопнуть ими чаще и стать целью погромче. Обычно Верн предпочитал парить. В добротном скольжении по воздуху есть некое достоинство, и можно притвориться, будто он по-прежнему тот самый лорд Хайфаэр, что обозревает свои владения.

Он проследовал по ленивой излучине реки к ближайшему поселению Пети-Бато и вскоре заметил на воде, постепенно растворяющиеся, ленты пены. Эти ленты вели к рукаву, где пришвартовалась маленькая пирога, которая все еще покачивалась после недавней высадки.

«А вот, вполне вероятно, и мой мальчишка», – подумал Верн.

На лучший результат он и не надеялся. Юный Пшик имел совесть квартировать со стороны воды, и дракон мог попросту выдернуть сию человеческую занозу самостоятельно. Еще чуть в глубь суши, и пришлось бы об устранении проблемы просить Ваксмена, а насчет некоторых вещей Ваксмен питал сомнения. Особенно насчет детей.

«Ты так любишь людей, женился бы на одной», – сказал ему как-то Верн много лет назад.

«А я и женился, – ответил Ваксмен. – Дважды. Первая была сущим ангелом, а вот вторая меня чуть не прикончила. Бразильянка, очень уж пламенная, не в обиду тебе».

Но здесь, в запруде, таланты Ваксмена не потребуются. Этот его жуткий кожаный саквояж может и дальше скрываться под половицами. Когда Ваксмен его поднимал, саквояж и правда весьма зловеще лязгал содержимым. Даже стреляный воробей Верн слегка напрягался.

«Итак, давай-ка посмотрим, Хайфаэр», – подумал Верн, а потом обернул себя крыльями и, сдвинув ноги вперед, рухнул вниз, словно по тросу.

Если это действительно постоянное обиталище мальчишки, то Верн попросту умыкнет его оттуда и дело с концом. Придется, конечно, глядеть в оба, вдруг взрывы привлекут ораву с факелами – или ее современный вариант.

«Факелы? – подумал Верн. – Да я почти скучаю по этому дерьму».

Нынче факелы стали не нужны. Даже у типичной деревенщины в пикапе найдутся очки ночного видения – в комплект к законному полуавтомату.

Были времена, когда уложить дракона могла только даровитая и целеустремленная толпа человечков. А теперь – любой дурак с подходящим снарядом.

Верн приземлился на железные перила, изначально, наверное, V-образные и снятые с носа рыбацкой лодки, а теперь прибитые под нужным углом к настилу. Верн опустил приблизительно половину веса и продолжал гулко взмахивать крыльями – на случай, если понадобится срочно сняться с места.

И, срань господня, даже окно оказалось открыто: с мальчишкой в кровати его разделяла лишь сетка от насекомых.

У драконов лучшее ночное зрение на земле, следовательно Верн с легкостью увидел, что мальчишка – это его мальчишка.

«Я за тобой слежу, девятипалый, – подумал дракон, – и ты ни черта не спишь. Прямо в кроватке, до сих пор весь по уши уделанный. Что-то мне подсказывает, столь скользкому персонажу не стоит болтаться по болоту».

Верн заметил оранжевый баллон бутана. Выглядел он так, будто его сняли с самого «Титаника», вот примерно такой древний; краска облупилась, обнажив металл, откуда-то торчал кусок резинового шланга.

«Как фитиль», – подумал Верн.

Наверняка этот баллон давным-давно пустовал, но если местный инспектор пожарного надзора установит очаг возгорания именно тут, значит, все – дело закрыто.

Вероятно, огонь – способ аккуратнее похищения.

Никаких тебе улик для исследования.

Никаких поисковых отрядов на реке.

Сопутствующие потери, может быть. Однако, с точки зрения Верна, такими сопутствующими потерями был весь его вид.

«Прости, малец», – подумал Верн второй раз за эту ночь и приоткрыл челюсти. Железы в глотке брызнули сернистой нефтью на моляры, и дракон поджег их щелчком зубов, служившим запалом.

Верн уже набрал воздуха для плевка, но этого пацана, Пшика, явно благословили боги или еще какое шаманство вуду, потому как ровно в этот момент где-то в полумиле от них выскочила «скорая» с воющей сиреной и сверкающей мигалкой. Сирена, мать ее, орала так, что Верн едва различал рев двигателя.

– Ну это ли не тили-бом? – прошептал Верн фразу, слащавую и старую, которую редко употреблял в обществе. Ваксмен однажды услышал, и от хохота на нем чуть вельветовый жилет не лопнул.

«Тили-бом? Ну бля, Верн! Мы тут не школу благородных девиц оканчиваем».

И тем не менее, выражение описывало ситуацию просто образцово-показательно, ведь «тили-бом, тили-бом» означало неожиданную суету, которую приближающаяся «скорая», без сомнений, вызывала.

– Жопа, – заключил Верн. – Полная жопа.

А «полная жопа» – выражение уже посовременнее.

Он ненавидел незаконченные дела, но «скорая» привлекала больше внимания в его сторону, чем ему хотелось бы, и солнце уже всю теснило тени.

– Пора убираться, Хайфаэр, – сказал Верн себе, когда «скорая» выкулила на дорогу, в направлении к дому Пшика.

Но сперва он должен отметить дом для Ваксмена. Стремный старый саквояж, видать, все-таки понадобится.

Верн с минуту подержал большой палец во рту, выдыхая на коготь пламя, потом вырезал на металлических перилах букву.

V

Метка дракона.

Типа противоположность крови агнца в Ветхом Завете.

«Все в этом жилище умрут».

– До скорого, Пшик, – произнес Верн и спиной вперед нырнул в реку.

Домой лучше добираться вплавь.

Пшик лежал на кровати, ожидая смерти, как вдруг оконная сетка хлопнула на ветру, и он увидел на перилах дракона – с глазами, какие бывают у кошки в свете фар. Не злыми, вовсе нет. Задумчивыми.

«Ох черт, я для него букашка, – подумал Пшик, жмурясь, чтобы спрятаться, как малыш от бабая. – Ох господи боженька, спаси».

Как будто боженьке не насрать на такого оболтуса.

Расслышав звук «скорой», Пшик открыл глаза и успел увидеть, как Верн сделал сальто с переворотом в реку. Без малейшего всплеска воды. Весьма чистый вход.

«Восемь целых пять десятых, – оценил Пшик и добавил, наверное, больше по существу: – Он знает, где я живу. И где мама».

Пшик был помечен, и он это понимал.

«Я все исправлю, – подумал он. – Отверчусь от этого дракона».

Не та проблема, с которой по жизни доводится столкнуться большинству людей. Как правило, это самое большинство, встретив дракона, получает максимум пять секунд на раздумья – и все.

Глава 6

Пшик с удовольствием метнулся бы кабанчиком решать всю эту драконью проблему, но сперва нужно было позаботиться о других делах. Для начала, отмыться до кристально чистого олицетворения невинности в пятифутовом каджунском обличье. Потом уничтожить все свидетельства своего участия в драконьей истории, что было, по сути, дополнительным пунктом к первому делу. И в этом отношении Пшику подфартило – эпизод с рухнувшим у них на пороге Хуком вылился, прямо скажем, в погром основного периметра. Констебль катался туда-сюда и пускал слюни, наводя бардак покруче кучки накачавшихся конфетами карапузов.

Матушка отправилась с Хуком в больницу, задержавшись только чтобы бегло осмотреть Пшика.

«Черт бы побрал этого констебля, – шепнула она Пшику, на вид ошалевшему, что вполне сошло за взвинченность после резкого пробуждения. – Он же чума для нашего прихода. Только выберусь из этого проклятого места, как опять туда идти. Так и не сняла форму. Позавтракай в “Жемчужине”, хорошо, милый?»

Пшик промямлил: «Хорошо, мама», и опустил голову на подушку, мол, буду-ка я дальше спать, что и делал всю ночь.

Но стоило врачам вынести Хука на носилках за порог, как Пшик вскочил и принялся ходить взад-вперед по комнате.

Вдруг на сегодня дракон от него не отстал.

Вдруг он вернется и сожжет весь дом вместе с Пшиком внутри.

Пшик не мог не думать, что сам это вроде как заслужил. Он постоянно совал нос не в свой вопрос, так что расплата неотвратимо маячила. Вселенная, и все такое. Если человек виляет задницей перед акулой, однажды эта акула сделает кусь. Особенно, если она дракон.

«Но не мама. Мама хорошая. Лучшая. Она только и делает, что обо мне заботится. Это я тут задницей виляю».

«Мисс Ингрэм назвала бы такое метафорой», – сказал он себе.

Пшика охватило наивное желание написать Чарльзу-младшему в Ривервью, но он все же решил, что лучше держать это в узком кругу. Чем меньше народу в курсе, тем меньше народу и пострадает.

Стоит ли рассказать полиции?

«Ага, валяй. Расскажи, что констебль Хук перерезал контрабандисту глотку, и его лицо сожрала черепаха, а сразу после этого тебя похитил дракон, повелитель аллигаторов».

Даже если удастся обойти констебля и попасть напрямую к шерифу в Сент-Таммани, кому он позвонит?

Охотникам за привидениями?

Нет, сэр.

Ридженсу, мать его, Хуку – вот кому.

«Нет, сынок. Держи-ка весь этот кошмар при себе. Хук ни хрена не знает, а с Верном можно разобраться».

«Главное – до заката».

Как только стемнеет, чешуйчатая зверюга притащит его жопу вверх по реке и завершит начатое.

Но проблема «А»: подчистить болотную грязюку, что может отвлечь от мыслей о проблеме «Б»: постараться не стать драконьим ужином.

Пшик включил бойлер и, дожидаясь горячей воды, стянул покрытое коркой шмотье и заодно белье с кровати, забил все это дело в мусорный мешок вместе с вязанным чехлом с кресла, который изгваздал Хук, и ковриком, на котором у констебля случился припадок.

Забросив мешок на крыльцо, Пшик честно прошелся шваброй по всей лачуге. Потом он потрогал бойлер, проверяя температуру, и полез мыться сам.

Отскребая грязь из всех щелей, он размышлял обо всей этой передрыге с драконом и время от времени щипал себя, чтобы напомнить: Верн вполне настоящий, и он вышел на охоту. При свете дня и в некотором оцепенении было слишком уж легко поверить, что чудовище – плод кошмарного сна, не более, но Пшик твердо вознамерился найти выход прежде, чем закат принесет с собой пламенное возмездие.

Ваксмен однажды посоветовал Пшику все время двигаться, ведь когда разум оживлен, тогда человеку и являются ответы.

«А эти лодыри, которые пялятся в окна, просто пялятся в окна. Они ни хера не решают», – говорил он.

Так что Пшик влез в свой второй комплект одежды – джинсы и черную футболку со срезанными рукавами, – закинул мешок с грязными вещами на плечо и направился в сторону гриль-бара «Жемчужина».

Пеший путь до бара занял меньше десяти минут. Весь приход Пети-Бато мог похвастаться чуть более, чем пятью сотнями домов, не считая множества лачуг, трейлеров и плавающих жилищ, разбросанных по периметру, словно сорняки. И как минимум пятая часть этих домов была заколочена досками. Мэр нынче выступал за смену названия; кое для населения было источником позора по причине непристойной двусмысленности, например, «пети бато дё пеш», как в давешние времена именовали женское междуножье.

По правде говоря, город был не совсем городом, а скорее деревней, или даже не вполне деревней, а скорее скоплением коммуникаций у гавани на реке Вест-Перл, неподалеку от федеральной автомагистрали. Даже своего съезда не было, только две мили временки, которая вела сквозь болотные кипарисы к берегу.

Источником жизни города был Боди Ирвин: великодушный воротила, который умудрялся рулить в Пети-Бато баром, верфью, турами по болотам и стрельбищем. Кемпингом заведовала его сестра, Элеонора. Сам Боди нанимал большую часть местных, а в разгар туристического сезона даже привлекал рабочую силу из города покрупнее.

Пшик с легкостью добрался бы и за пять минут, ведь обычно передвигался целеустремленней, охочей так или иначе сделать быстрые деньги походкой. Однако сегодня, после столкновения с драконом, он решил обойти подальше троицу креольских коттеджей, служивших городу мэрией, ставкой констебля и автостоянкой. Чисто на случай, если Хук вдруг сполз с больничной койки и уже высматривает между пластинок жалюзи, не пройдет ли мимо какой-нибудь пацан с мешком болотной стирки.

А еще Пшик хотел без лишнего шума войти через черный ход бара, чтобы загрузить вещи в тамошнюю промышленную стиральную машину и, может, перехватить гриль-чиз с острым соусом, пока Боди не заметил, что он типа тут, и готов к труду и обороне.

Пшик успел дважды укусить сэндвич, когда на пороге кухни возник Боди, похожий на беженца из трибьута «Грейтфул Дэд», с длинными седеющими волосами, стянутыми звездно-полосатой банданой.

– Как ты это дерьмо жрешь, сынок, не представляю, – произнес Боди. – Этот острый соус выжжет тебе всю слизистую, а столько сыра нехило забьет все трубы.

– Спасибо, мистер Ирвин, – отозвался Пшик. – Ценю кулинарный совет.

Боди фыркнул.

– Кулинарный, да щас. Мы тут не кулинарией занимаемся, пацан. А тем, чего могут захотеть туристы. Гумбо, раки, по-бои. Четыре вида фри. Крылышки, на крайняк. «Кулинарии» в меню не значится.

Пшик затолкал треугольник гриль-чиза в рот.

– Как скажете, мистер Ирвин. Что меня ждет сегодня?

А мысленно добавил: «Только не на реку, только не на реку».

И Боди будто дотянулся до его разума и выдернул оттуда мысль.

– Сегодня, – сказал владелец бара, – надо отправить тебя на реку. Прибыла водка для Ваксмена, метнись-ка к нему с ящиком.

И то, что было свежим хлебом, вдруг стало на вкус болотной жижей.

«А вот и жопа», – подумал Пшик, но вслух сказал:

– Так точно, мистер Ирвин. Только сгоняю за лодкой, мне б минут десять.

– Давай тридцать, – дал добро Боди. – Сперва поставь на полоскание машинку, вычисти барахло, которое оставил в барабане.

– Это констебль Хук устроил, – пояснил Пшик. – Явился этим утром, со змеиным укусом. Мама поехала с ним в Слайделл.

– Слышал, – сказал Боди. – Твоя матушка постаралась так, как я б не стал. Можем только молиться, чтоб этот никчемный мудак не дожил до вечера.

– Аминь, – с чувством отозвался Пшик.

Верн поплыл в направлении ровно противоположном от Пети-Бато, или, точнее, от причала Моро, к плавучему дому Ваксмена на восточном берегу Вест-Перл, в миле или около по диагонали. Дом этот был проходного типа, десять футов шириной, наполовину стоящий в воде на кипарисовых пнях. Когда-то он, вероятно, был не болотного, а какого-нибудь другого цвета, но теперь казалось, что постройку со знанием дела замаскировали, хотя, на самом деле, она попросту ассимилировалась. Верн часто замечал, что «жилище захапал, мать его, борг», на что Ваксмен всегда отвечал: «Мать их кто, говоришь?».

Ваксмен, в отличие от Верна, не был таким ценителем современных медиа. Он скорее находил удовольствие в чтиве.

«Слоняюсь туда-сюда, – говаривал Ваксмен. – Покуриваю дурь, а там, глядишь, сраной демоноящерице что-то опять понадобится. Драконий геморрой на мою задницу».

На что Верн обычно отвечал: «А ты вспомни, Ваксмен, где я тебя нашел. Я твой освободитель».

Ваксмен обычно не выбирался из гамака до самого вечера, выбирая для дел сумеречные часы, однако Верн счел ситуацию с Пшиком реально экстренной и хотел незамедлительно воспользоваться услугами опытного Ваксмена.

В заплыве не было ничего особенного. Верн увернулся от экскурсионного судна, вспорол рыболовную сеть, двинул наглому аллигатору – чисто слить досаду, – но спустя считанные минуты уже стряхивал речную воду у жилища Ваксмена.

Позади плавучего дома растянулся ярмарочный полосатый тент, который Ваксмен хранил в память о тяжелых временах. Тент остался нетронут общим оболочиванием жилища и сиял неподобающе ярко, одновременно окутывая все под собой глубокой тенью, которая вполне устраивала Верна в тех редких случаях, когда он чувствовал необходимость явиться лично, а не слать сообщение в ватсапе.

Ваксмен, как ни странно, не лежал в гамаке, а сидел на щербатом настиле в кресле-качалке, с АК-47 на костлявых коленях.

– Слышал, как чот рвануло, – пояснил он. – Прикинул, или вспышка, или визит. Хвала богам: к подданному явился лорд Хайфаэр.

На Ваксмена определенно стоило посмотреть.

По всем законам природы, мужик с таким количеством морщин на физиономии должен отлеживаться в саркофаге или типа того, однако Ваксмен был жив и бодр. Особенно бодро он оттягивался. Но в старой псине была жизнь, и не мало. Он носил костюм из бархата а-ля черная

пантера и большой котелок с петушиным пером, заткнутым за ленту. Лицо его когда-то могло быть любого цвета, но в конечном итоге стало по большей части серым, с черными линиями морщин, с небесно-голубыми глазами и белой бородой, выходящей до алого шейного платка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.